

АНАТОЛИЙ ЛЕБЕДЕВ

**БЕРИНГИЙСКИЙ
МОСТ**

ИЛИ «КНИГА ПЕРЕМЕНЫ ДАТ»

Анатолий Викторович Лебедев Берингийский мост. Или «Книга перемены дат»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70521478

ISBN 9785006267152

Аннотация

Книга описывает двухвековую историю культурных связей между американским востоком и азиатским западом на географической территории обширной страны Берингии, существующей вне зависимости от политических границ

Содержание

БЕРИНГИЙСКИЙ МОСТ	5
1. ЗАПАД ПО ИМЕНИ ВОСТОК	7
2. ПРАВИЛА БЕГСТВА	13
3. ФАРЛИ	21
4. ГЕРОИ В ОТТЕНКАХ СЕРОГО	28
5. ЧУКОТСКИЙ СЦЕНАРИЙ	34
6. АЛСИБ	42
7. МАГАДАН: ЛЮДОПАД ИГУАСУ	45
8. АСХАТ ЗИГАНШИН – БУГИ	51
9. РЫЦАРИ НЕБА И МОРЯ	58
10. МЫС БАРРОУ И «АДМИРАЛ МАКАРОВ»	64
11. РЫМЫРКЭН И ДОМ ВОЛКА	68
12. ЭКОЦЕНТР	74
13. РОЩИНСКИЕ АВАНТЮРИСТЫ	76
14. TEXAS CAMEL CORPS	82
15. КАСКАД	84
16. ЭНЕРГИЯ	90
17. СВЕТОЧ СВОБОДЫ	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Берингийский мост

Или «Книга переменны дат»

Анатолий Лебедев

© Анатолий Лебедев, 2024

ISBN 978-5-0062-6715-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЕРИНГИЙСКИЙ МОСТ

или

КНИГА ПЕРЕМЕНЫ ДАТ

*«Как этот мир велик в лучах рабочей лампы,
Ах, в памяти очах – как бесконечно мал!»*

Ш. Бодлер – М. Цветаева

*«Ваша сила – лишь в согласье,
А бессилие – в разладе.*

Примиритесь, о дети!

Будьте братьями друг другу!»

Генри Лонгфелло, «Песнь о Гайавате»

*«Два народа, молнии бросая
И трезубцем двигая, шумят
И дележ всемирный совершая
Над свободой страшный суд творят.
След до звезд полярных пролагая,
захватили, смелые, везде
острова и берега: но рая
не нашли и не найдут нигде».*

Ф. Шиллер, 1857 г.

«Снова ль подыдем войну и смятение битвы жестокой,

Или же дружбу и мир учредим средь обоих народов».
Гомер, «Илиада».

«Не убоимся того прошлого, которое насыщено примерами для будущего. Синтез заповедан во всем, в нем преподано значение сотрудничества и содружества».

Николай Рерих, 1938

Х Х Х

1. ЗАПАД ПО ИМЕНИ ВОСТОК

«Пусть сейчас кое-кто и хмурится при всяком упоминании о мирной жизни, о тесном общении разноязычных ученых и инженеров, артистов и художников, студентов и рабочих – простых людей всего мира. Придет время, и взаимное тяготение народов сметет выдуманнные «стальные» или «железные» занавесы, и тогда потребуются межконтинентальные самолеты только для пассажиров, а не для бомб, понадобятся океанские экспрессы, а не авианосцы, нужен будет и Арктический мост! За это борются все народы, ненавидящие войну. Я начал строить Арктический мост вместе со своими героями, терпел неудачи, изобретал, боролся, любил, выслушивал горькие упреки и грозные обвинения...

...15 мая, через три года после открытия Выставки реконструкции мира, президент Соединенных Штатов Америки дал разрешение на строительство прямого железно-дорожного пути между Аляской и Кольским полуостровом. Состоялось учредительное собрание акционеров Концерна плавающего туннеля...

...Муцикава шел бодрым, легким шагом. На душе было спокойно. Он уверен в успехе. Он шел на собственную гибель без малейшего раздумья или страха. Жажда мести была

в нем сильнее любви к жизни. План его прост. Проникнуть в трубу плавающего туннеля, идти пешком по трубе, чтобы в тот день, когда пойдет первый сверхскоростной поезд, взорвать туннель, пустить его на дно. Он взорвет сам себя, рука у него не дрогнет...

...Седых говорил, обращаясь ко всем участникам строительства: – Я счастлив, что стал современником эпохи Великих работ, создавшей Арктический мост, «луналет», плотину в Беринговом проливе, Мол Северный. Эти грандиозные работы показывают, что может создать труд людей, покоряющий стихию, пространство, время. Сейчас на противоположном конце мурманского меридиана, на Аляске, в городе Туннель-сити, ждут прибытия первого сверхскоростного поезда...

...Пути бегущих машин пересекли материки, столкнулись разные языки, смешались народности. Границы между государствами стали ощущаться как наследие чего-то давно прошедшего. Тогда появились плавающие в морях и проложенные в земле трубы-туннели, которые частой сетью пересекли континенты и океаны. В условиях новой жизни надо было сделать основной трассой движения воздух, где доступны все направления, и туннели были забыты. Но все же они, эти тысячекилометровые трубы, протянутые с материка на материк, сделали далеких соседей близкими, культуру общей для всего Земного шара, позволившей достигнуть всего, чем гордится человечество. Эти трубы-мосты

стали символом слияния воедино народов, выбравших после всех социальных катаклизмов высшую общественную форму — коммунизм...»

Роман-мечту «Арктический мост» с приведенными избранными фрагментами русский фантаст Александр Казанцев опубликовал в дни, когда я появился на свет, в роковом сорок первом. Сегодня книга, в инженерном смысле довольно детальная, а в идеологическом — весьма актуальная, естественно воспринимается нами как наивная даже не фантастика, поскольку многие технические идеи автора вполне себе реализованы, и тем более — реализуемы. Скорее правильно бы отнести ее к жанру утопии, сравнивая со знаменитым Городом Солнца Кампанеллы, написанным, как известно, в застенках инквизиции. Или к романтическим фантазиям Александра Грина, созданным в кровавые годы гражданской войны и красного террора. Аналогия прямая: фантазия Казанцева написана в дни начала великой мировой войны, когда, по счастью, во главе политики главного восточного соседа — Америки — оказался человек, ставший на нашу сторону против германского фашизма. И Берингийский мост экономической помощи, морской и авиационный, активно работал в нашу сторону — для фронта.

Мало кто думал и вспоминал тогда, что символический этот мост имеет долгую, многовековую историю. Тянется она

с времен, когда в результате своеобразной славянской конкисты, потеснившей в Азии Сибирское ханство и Цинскую империю, а по ту сторону Моста противостоящей английской и испанской конкисте, возникла Русская Америка. Это стало трансконтинентальным продолжением долгого и многотрудного процесса военно-экономического освоения Сибири крепнущей славянской империей. Русь принесла на новый континент славянскую культуру и торговлю, составив на два с лишним века солидную конкуренцию двум другим, тоже конкурирующим процессам освоения американского Дикого Запада – англо-саксонскому и испано-мексиканскому. Увы, новые войны, технологии и торговля укрывают прошлые века флером забвения, помогая принимать текущее как абсолютную данность.

Немногие знали и думали в прошлом веке о том, что существует Берингийский мост и в литературно-топонимической сфере, связывая знаменитого в России певца Аляски Джека Лондона и его могилу в долине Сонома под Сан Франциско с красивым озером на Колыме, которому геолог Петр Скорняков в 1932 году дал имя любимого писателя. Такая вот у этого, как сейчас бы сказали, мема сложилась дискретная, зато исторически долгая судьба, подарившая и нашему поколению одну из его замечательных инкарнаций в конце 20 века. И хотя Казанцев, живя в европейской России, естественно проложил свой мост-тоннель кратчай-

шим пряником от Мурманска через полюс на Аляску, смысла и идеи Берингийского моста это не отменяет. Как и необходимости рассказать об этой инкарнации на рубеже тысячелетий по возможности подробно, как может только очевидец и участник многих событий.

Слишком традиционна в России московская идентификация себя как части Европы, а идентификация Америки как Запада, чтобы уложить в сознании простой географический факт: расстояние между нашими континентами всего лишь 86 километров, что почти равно нынешнему диаметру города Москва. А точнее – пограничный пролив между островами Диомида и того меньше, всего 4 километра, легко одолеваемые спортсменами вплавь и эскимосами на нартах, вельботах и каяках. И очень уместно вспомнить еще одну из последних инкарнаций моста между Россией и Америкой – телевизионную, взорвавшую атмосферу холодной войны еще во времена СССР, в 1980-е годы усилиями двух журналистов, Владимира Познера и Фила Донахью. Их несколько телемостов стали подлинным украшением истории отношений между соседями по Северной Пацифике, о чем мы вдвоем с постаревшими героями телемоста с удовольствием вспоминали во время одной из встреч в Вашингтоне в первой декаде 21 века. Вспоминали, признавая, что Берингийский мост во всех его ипостасях исправляет многие стереотипы в отношениях, ставя все с головы на географические ноги:

глядя с него, приходится признавать, что запад – это Россия, а восток – Америка. А это, согласимся, очень многое меняет.

Любую утопию и фантазию, как и веру, рождает мечта людей о мировой гармонии, особенно острая во времена, когда в отношениях народов и людей преобладает ложь и недоверие, подозрительность и пренебрежение, унижение и насилие. И зачастую утопии строятся не столько на мечте о лучшем мире, сколько на искреннем изумлении мечтателей. Смотрите, как бы восклицают они, ведь это когда-то уже было, мир объединял усилия, достигая великих и благородных общих целей, отчего же не повторить, не продлить? Одолели рабство и крепостничество, чуму и ковид, колониализм и фашизм, прорвались в космос и обуздали атом, создали великие каналы, мосты и культуру – отчего же вновь заборы, границы и блокады? Ответ может быть прост: таковы уж мы, люди. Каждое поколение вынуждено проживать все тот же спектр проб и ошибок в новых реалиях, и потому очень важна память о мостах, приходящих на смену границам и стенам, и понимание того, почему одно приходит на смену другому.

2. ПРАВИЛА БЕГСТВА

Из России люди бежали всегда. Объяснением причин, побуждений, оснований и трагедий, связанных с этим бегством, полна не только наша, но и мировая литература. Географические масштабы страны, достигнутые к 17—18 веку, наложили на этот многоликий процесс свои краски и эмоции, потому что бегство из страны зачастую оказывалось лишь продолжением и итогом жизненной задачи, начальные этапы которой лежали внутри национальных границ. Поэтому, принимаясь рассуждать о явлении всерьез, правильнее будет задуматься не столько о расставании с Родиной, которое так душевно и пронзительно воспел Петр Леценко, а о его побуждениях.

Отстранившись на время от внутренних трагедий и перипетий самой России, критически важно обозначить базовые причины и стимулы для всякого человеческого бегства. Бегают люди всегда либо от чего-то – неприятного, опасного, страшного, либо к чему-то – заманчивому, соблазнительному, обещающему новый успех, новые радости или приключения. На этих двух типах бегства выстроена вся человеческая история. Есть, впрочем, и третий вид бегства – поневоле и по принуждению. Так негры обживали Америку, британские преступники – Австралию, а русские белогвардей-

цы, староверы и диссиденты – весь мир. Для старой России два типа бегства исторически слились в один многовековой процесс, в котором крестьяне, бежавшие ОТ крепостничества в Московии на юг и на восток и ставшие вольными казаками, в своем восточном движении начали искать иной смысл – поиск нового, завоевание и освоение. И вышли в итоге к далекой Берингии, навстречу бегущим на запад английским завоевателям Америки.

В 20 веке российские правила бегства, и внутри страны, и за ее пределы, почти всегда определялись предлогом ОТ: бежали от террора, притеснений и несвободы. Правила этого бегства попытался художественно осмыслить Олег Куваев в одноименном последнем романе. Такой феномен бегства на удивление многих оказался востребован и в России 21 века. И лишь феерический финал двадцатого принес беглецам новую опцию: появилось ЗА ЧЕМ бежать из страны, внезапно открывшей человеку весь мир и его безграничные личные возможности. Появился смысл бежать, чтобы просто быть самим собой, познавая мир как личность, а не как патриот и «гражданин с паспортом». И на этом пути вольного познания возникло пестрое множество сюжетов, о которых стоит рассказать.

Но самое интересное оказалось в том, что реально достигаемой, окончательной целью великого бегства россиян

в 20 веке почти всегда была Америка. Иначе и не могло случиться, потому что исторически вся культура и мироощущение именно этого континента, вся его человеческая фактура складывалась беглецами и для беглецов из Европы. Здесь находилась их конечная цель – извечная и несбывшаяся мечта о свободе для тех, кто не умеет смириться с данностью имперского и монархического гнета и рвется открывать новое.

Бежать? Пребыть? Беги! Приковывает бремя —
Сиди. Один, как крот, сидит, другой бежит,
Чтоб только обмануть лихого старца – Время,
Есть племя бегунов. Оно как Вечный Жид. —

так воспринимал этот психотип поэт декаданса и символизма Шарль Бодлер. А сами беглецы, ощутив себя создателями и хозяевами Нового Света и взявшись обустроить его, быстро поставили себе в служение тех, кто веками жил там прежде, и кто потянулся за ними следом из других, колониальных краев. При этом они давали каждому из слуг шанс выиграть в суровой борьбе красивую жизнь, и этот шанс, как глобальный магнит, сидящий на той стороне Берингии, веками неумолимо и непрестанно притягивает к себе новых и новых «бегунов» из ближнего западного зарубежья – России. После буржуазного переворота в Москве в 1993 впервые судьбоносный уезд в Америку стал возвратным, и туда

потянулись самые легкие на подъем – актеры, режиссеры, бандиты, предприниматели, литераторы, художники, ученые, инженеры, просто авантюристы.

Для многих была важна не столько сама Америка, сколько шанс вырваться из хаоса и нищеты перестройки и пожить красиво там, где все давно устроено. Далеко не у всех получалось, они попадали в привычный для Америки разряд слуг, но сила магнита велика – продолжали надеяться и верить в большие деньги, которые когда-то придут. Многие вернулись и обнаружили, что в обновляемой России шансов реализовать себя у них даже больше, так что поток бегунов на восток помалу сошел на нет. Берингийский мост заработал в регулярном двухстороннем режиме. А для тех, кто не мог остановиться, имел мозги, знания или средства для бегства дальше, Америка никогда не отказывала в вариантах. Один из них мне был предложен как-то на богемной вечеринке в Сиэтле в виде простой покупки полноценного американского паспорта, с которым можно путешествовать по миру практически без виз. Цена была невелика, всего три тысячи долларов, и я бы конечно купил, будь у меня такая сумма. Но – не оказалось, и занять было не у кого, компания была мне не слишком близка. Я конечно взял у человека телефонный контакт, но уже тогда бегство никак не входило в мои планы. Берингийский мост меня вполне устраивал как маршрут с наконец двухсторонним движением.

На этом обезличенном фоне массового и многоэтапного бегства с настоящего Запада на настоящий Восток, в Америку, особый интерес вызывают примеры обратные и исключительно штучные. В Приморье, начиная с бурной активизации Берингийского моста в начале 90-х, все, кто так или иначе был причастен к охране природы и амурского тигра, хорошо знали и до сих пор помнят американского ученого – зоолога, специалиста по диким кошкам Дэйла Микела. Он много лет жил с семьей в северном поселке Терней, рядом с конторой крупнейшего в крае Сихотэ-Алинского заповедника, с чьими научными сотрудниками все эти годы работал в тайге бок о бок, как совершенно свой.

Менее типичный и потому интересный образчик «бегства от Америки» на Запад представляет собой классический американский диссидент 1960-х, активист антивоенного движения в годы Вьетнамской войны и наследственный органический фермер из штата Вашингтон Лон Болл. Выходец из семьи фермеров Аризоны, он в конце шестидесятых получил степень бакалавра по социологии и антропологии в университете Боулдера, штат Колорадо, где и начал заниматься производством и поставкой на мировой рынок лекарственных растений и биологических пищевых добавок. В семидесятых выкупил с сестрой ранчо на Trout Lake в штате Вашингтон, у границ с Орегоном, где их бизнес стал

вполне успешным. К 2000 году компания выросла, переработала и продала на международных рынках 82 вида лекарственных растений в форме сухих, свежих и жидких экстрактов.

Благодаря Берингийскому мосту в конце 90-х Лон положил глаз на девственную уссурийскую тайгу с ее уникальным сочетанием дикоросов северной и субтропической флоры. Начались бурные контакты с родственным бизнесом в Хабаровске и соседнем Китае, которые привели его в начале 21 века к созданию новой семьи с русской переводчицей и переезду в Приморский поселок Славянка. Но – ненадолго. В 2010 году Лон с женой приватизировали обширный участок земли на брошенных рисовых чеках Спасского района, учредили компанию «БиоРус» и вместе с детьми переехали в аграрную столицу Приморья – Уссурийск, где купили частный дом. Лон всерьез планировал на ренту от своего ранчо на Trout Lake и на возрождение погибшего рисового хозяйства в Приморье вместе с китайцами развернуть крутой бизнес. Несмотря на то, что русский освоить он так и не сумел – привык к жене-переводчику.

Лон Болл

Когда он появился в начале второй декады 21 века в офисе нашей скромной экологической организации во Владивостоке, и мы проболтали три часа, его главным ответом на мои вопросы – почему уехал? – и главным тезисом в пользу бегства на Запад был один, чисто коммерческий: «У вас тут шикарная земля, и она почти ничего не стоит!» Не жена, не новая семья, не искреннее презрение к властям в своей стране, сохранившееся у него с 60-х годов – только земля и бизнес. Нормальный такой американец. С идеями создать еще одно фермерское хозяйство среди заманчивых заповедных водно-болотных угодий Хасанского района, у стыка китайской и корейской границ.

Мы сразу стали друзьями, и новое хозяйство «Ранчо Хасан» я согласился создавать вместе и возглавить, хотя и не имел никакого опыта в бизнесе – нужен был русский директор. Мне остро не хватало общения с американцем, к которому я привык за долгие годы дружбы, со знаменитым экологом Мишей Джонсом, погибшим за несколько лет до явления Лона. Но наш серьезный бизнес, зародившийся в начале бесконечно конфликтных и глобально тревожных 2010-х годов, при том, что и жили мы в разных городах, не сложился по множеству причин. Осталась – дружба, и долгожданный российский вид на жительство, позволивший американцу Лону в роковой 2022 год стать полноценным хозяином фактически «бумажной» фирмы. Мы с ним встречаемся регулярно и спорим до хрипоты, как положено двум престарелым диссидентам с двух берегов великой Берингии, испытавшим эпохи протестов и репрессий, свободы и безумия в своих беспокойных странах.

3. ФАРЛИ

Фарли Моуэт, мой канадский как бы друг, знаменитый в 20 веке писатель и певец арктической природы, упокоившийся уже в 21-м, написал о нашей краткой магаданской встрече зимой 1970 года в своей книжке «Сибиряки», к сожалению, так и не переведенной на русский. Подарил мне ее спустя 20 лет в Сиэтле кто-то из новых американских друзей, искренне удивленный встречей с живым русским, описанным в прочитанной им канадской книжке много лет назад.

«Никаким четким планам нашего визита в Магадан ни разу не удалось сбыться: Россия полна сюрпризов! Однажды утром, когда мы с Джоном собирались посетить знаменитую колымскую автобазу и Нагаевскую бухту, раздался робкий стук в дверь нашего гостиничного номера. Я открыл и увидел молодого парня трудно определимой этнической принадлежности, который вручил мне письмо на весьма забавном английском. «Дорогой друг! – писал внезапный гость. – Спасибо вам за искренность, спонтанность ваших книг, которые я прочел все! Я наполовину юкагир, родился и вырос в тундре, и это – мой мир. Я знаю язык волков и карibu, очарование и угрозы снежных пустынь, загадки полярных сияний. Я не мог подойти к вам {на публичной встрече

че} – слишком многие жаждали прикоснуться к вашей славе, и слишком многие вас плотно окружали. Я слышал ваш голос и смех, и просторы тундры вставали перед глазами. Чиновники представляли вас как иностранного писателя, а не как художника, творящего свои книги во мраке полярной ночи... Я пишу о Чукотке. Мои рассказы пока похожи на робкие ростки на мерзлой почве несовершенства, но я уверен, что скоро они найдут свой путь к реальным людям Севера... Ваш Эдуард Гунченко».

Я не мог сопротивляться очарованию этого письма: черные глаза Эдуарда глядели на меня с надеждой. «Джон! – крикнул я своему спутнику. – Я отлучусь ненадолго с друзьями, скоро буду. Насладись экскурсией без меня!». Эдуард привел меня в свою квартиру, изумленная беременная жена кинулась хлопотать на кухне. «Она знает, что вы – человек тундры, – сказал Эдуард. – А я должен разделить эту минуту с другом». Он исчез и через минуту вернулся с другим молодым человеком, Анатолием Лебедевым. Мы пили чай, ели оленину, юколу и икру, и два моих хозяина спорили о чем-то до хрипоты. Оба пытались писать, оба относились к той новой генерации, которую в Москве снисходительно именуют «детьми природы». Оба были так искренни, прямолинейны и восхитительны, что о встрече с такой парочкой можно было только мечтать. Анатолий был из Владивостока, где оставил работу морского инженера, чтобы сбе-

ждать на Север, прочитав первую книжку Эдуарда, геолога из Магаданского института».

На этом цитирование Фарли, очаровавшего нас навеки, можно остановить, уточнив ряд деталей. Понятно, что за давностью лет я мог что-то забыть из той встречи. Что-то мы могли с другом Эдиком присочинить в ходе нашего бурного общения, а что-то и Фарли мог понять превратно из моего тогда еще весьма бедного, институтского английского, начисто лишенного и письменной, и разговорной практики. Что было точно – это наше письмо, которое я сочинял как умел со слов Эдика, уснащая своими эмоциями. Мы просто не надеялись, что пообщаться с Фарли, и тем более увести его домой нам удастся, и письмо рассчитывали хотя бы передать, сообщив нашему кумиру о своем существовании. Правдой было и то, что мы решили выставить юкагира Эдика вперед, постучавшись в дверь гостиничного номера, пока я по мере сил пытался оградить наш несанкционированный визит к иностранцу от весьма вероятного сопротивления спецслужб: нам обоим проблемы с ними были совсем ни к чему.

Гунченко, Моуэт и автор. Магадан, 1970 г.

Мы прекрасно понимали Фарли, решаясь на свою авантюру. Не без труда добившись давно желанной поездки на запад, в российскую Сибирь, и видя на этом пути через пролив вместо Берингийского моста нерушимый железный занавес, он вынужден был обогнуть глобус на восток. И мечтая пообщаться с коренными тундровиками и зверобоями Чукотки, был обречен довольствоваться протокольным государственным чукчей Рытхэу. Это его как писателя никак не могло устроить, но выхода не было. Так что в нашем лице такой выход в виде общения с Гунченко с обеспеченным переводом

был для Фарли внезапным и дорогим подарком. И знаменитый канадец воспользовался им охотно и на полную катушку, вынуждая меня изрядно попотеть, пытаясь найти англоязычную замену неизвестным терминам из тундрового быта.

Эдик, с которым мы познакомились на военных сборах спецназа под Уссурийском и который потом приютил меня в Магадане в теплом подвале своей пятиэтажки, действительно пытался писать рассказы, как и я, очарованный первыми книжками и публикациями Куваева и Мифтахутдинова и, разумеется, до дыр зачитав всего переведенного Моуэта. И мы конечно спорили о своих рассказах, критиковали, учились – это был упоительный процесс. Но я до сих пор бережно храню книжки моих северных друзей-писателей, только книжки Гунченко среди них никогда не было, и я о ней ничего не помню. Допускаю, что в общении с Фарли Эдик мог что-то говорить о книге, например, писателя-этнографа Владлена Леонтьева и показывать ее, а Фарли из моего перевода понял все не так. Для нас всех эта встреча была настолько полна эмоций, удивительных совпадений и смыслов, что все эти подробности не имели особого значения. И уточнить их у Эдуарда было не суждено – жизнь нас позже развела навсегда. Главное, что имеет смысл – Фарли был у нас, и фотография втроем, сделанная корреспондентом АПН Фейей Редлихом, когда он отыскивал Фарли, до сих пор украшает стену моей квартиры.

Спустя годы, с трепетом листая и читая уже в оригинале присланные им, неизвестные в России книги, такие как упомянутую «Siberians» и военную, «The Regiment» – «Полк», я глубже познавал жизнь и творчество этого удивительно североамериканца. В особенности – его ощущение дикой природы. И со временем, мне кажется, по-настоящему вник в магическую символику одного из самых его захватывающих и известных в России произведений. Речь о книге, переведенной у нас под названием «Не кричи: «Волки!»». Изданий было несколько, и, как ни удивительно, несколько было и русскоязычных написаний этой загадочной фразы с разными знаками препинания. Фарли назвал ее просто, вовсе без них, и даже в единственном числе – «Never cry wolf», чем сильно озадачил переводчиков. Большинство восприняло эту фразу как-то по старорусски, видимо вообразив себя едущим сквозь бескрайние таежные просторы в холодной конной кибитке, которая всегда рисковала подвергнуться хрестоматийному нападению оголодавшей волчьей стаи. Тогда и рождался, согласно книжной традиции, этот краткий тревожный возглас того, кто первым увидел стаю: «Волки!» То есть, по мнению переводчиков, названием книги Фарли просто призывал не бояться волков, а лучше понять их жизнь и проникнуться сочувствием к этим отважным и преданным семье хищникам.

На самом деле, чем больше я проникался тонкостями североамериканского английского языка в своих поездках по континенту, тем явственнее понимал ошибочность такой трактовки. Суть в том, что слово «сгу», как и большинство английских слов, имеет несколько довольно разных значений, и выбор при переводе сильно зависит от контекста, в данном случае от содержания книги. И Фарли, как человек, реально поживший с волками и став им другом, очень вряд ли стал бы выносить в заголовок такой тревожный, настораживающий аспект отношения к ним как к опасным хищникам, какой придали книге наши переводчики. Поэтому, скорей всего, слово «сгу» в данном случае следовало перевести не как «крик», что в наших словарях стоит первым, а как «плач», как оно чаще всего и используется американцами и канадцами. Тогда заголовок выглядел бы совершенно иначе, вполне оправдывая отсутствие у Фарли знаков препинания в нем: «Волк не плачет». Или еще точнее «Волк не плачет никогда».

4. ГЕРОИ В ОТТЕНКАХ СЕРОГО

Смыслы и их агенты у разных эпох – разные. Сытые хранители главного на данный момент смысла всегда ведут черные списки «неправильных» людей, газет, изданий, организаций и поступков, которые мешают надзирателям надзирать и обогащаться, пока никто еще не успел покарать их за предательство интересов народа, казнокрадство и коррупцию. Такая кара успешно работает уже сейчас в супер-дружественном Китае – да здравствует великий чань-буддизм Лао Цзы и не менее великий принцип Дао древнейшей из живых империй, полной тысячелетних смыслов.

В славные советские 70-е годы «без войны» литераторы Дальнего Востока, стряхнувшего тяжкий пепел ГУЛАГА, уже чудесным образом знали, что каждый, поименованный государственной системой «враг народа», сиречь «иностранный агент» ныне, есть невинная жертва кровавого режима, официально развенчанного еще за 20 лет до того. И не только и не просто жертва – но бесценный камень в вечное здание борьбы человечества против рабства, насилия, террора, борьбы за право любить свою землю больше, чем тех, кто властвует над ее безропотными трудягами. Понимая это, мы взялись возродить из гулаговского пепла великие имена наших героических дальневосточных земляков – Мандельшта-

ма, Шаламова, а заодно и полярных первопроходцев, моряков и летчиков, строителей Комсомольска, Магадана и Певека, разведчиков колымского и чукотского золота. Создавали оды и гимны им и тысячам подобных. Мы творили новую дальневосточную и полярную героику уже из последующих поколений, сверстанных в пеструю человеческую ткань памяти, мужества, терпения и свободы, за которой многие бежали сюда из слишком мрачных, злопамятных и лживо праздничных столиц.

Арктика с ее литературным аватаром была мне прописана судьбой многократно и по-разному. Сначала – отцовской профессией ледового капитана и соответствующим домашним антуражем – библиотекой, полной историй о полярных исследователях и героях, желтой медвежьей шкурой у кровати, мамонтовым бивнем и другими чукотскими дарами из моржового клыка. Собственная страсть к литературе и чтению таким образом сразу получила этот географический крен, натурально умноженный в 1960-е годы советской модой на дальневосточные и полярные путешествия. И возможностей для этого тогда было, как ни странно, неизмеримо больше, чем теперь. Вдоль всего тихоокеанского побережья из Владивостока до Провидения ходили рейсовые пассажирские теплоходы, во все пункты побережья летали самолеты. И в каждом областном и краевом центре огромного региона было свое издательство, активное литературное со-

общество, многотысячными тиражами выпускались альманахи, журналы и тематические сборники. И – невозможно поверить! – за публикацию в них авторам платили вполне ощутимые гонорары! Самые яркие произведения даже регулярно озвучивались по радио, делая наиболее плодовитых и заметных писателей широко известными в регионе.

В голове и памяти моей уже роились имена героев 20 и прошлых веков – Де Лонг, Вилькицкий, Челюскин, Папанин, Воронин, Водопьянов, Амундсен, Шмидт, Леваневский, Нансен, Эйелсон. Повторить моряцкую профессию отца и его знаменитого друга по Херсонской мореходке, Героя Советского Союза Григория Щедрина не получилось – слишком много было других устремлений и смыслов, соответствующих новой эпохе. Так что выбор был сделан компромиссный – корабелка. Еще в процессе учебы удалось мне совершить первый свой рейс в Арктику матросом на грузовом дизель-электроходе ледового класса «Амгуэма» и побывать в Певеке с его легендарным Штабом морских операций Восточной Арктики, где отец проводил каждые полгода много лет. Потом довелось и мне, уже вскоре после окончания института, отработать две навигации в составе Штаба в качестве начальника аварийно-спасательной водолазной группы. Это и стало рубежом всей будущей судьбы, литературной и не только.

Путь в литературу всегда причудлив, сугубо индивидуален и в чем-то похож на поиск пути для каравана судов во льдах. Перед капитаном флагманского ледокола – серое небо и бескрайнее ледовое поле, которому идеально подходит колористический штамп вроде «пятьдесят оттенков серого». В умении их различить в живой картине прямо по курсу, а также слева и справа, и – главное – придать этим оттенкам смысловое значение, и состоит глубинная, скрытая аналитика ледового капитана. В оттенках серого пространства моря и его отражения в небе он считывает информацию – где ждет крепкое паковое поле, где востороженный хаос, где желанная полынья, скрытая молодым ниласом или вполне живая, где трещина, и как разойдутся поля, если попытаться расширить ее корпусом, создавая дорогу идущему следом каравану. В помощь этому анализу капитану приданы немалые ресурсы – ледовые прогнозы штабных гидрологов и синоптиков и вертолет, который можно поднять в воздух, если важно заглянуть дальше за горизонт во избежание ошибки.

Для меня, начинающего тогда журналиста с несколькими публикациями в газетах, но уже мечтавшего о рассказах в сборниках, встреча с первыми живыми писателями Юрием Васильевым, Олегом Куваевым и Николаем Балаевым в Певеке была тем же литературным полем познания нового мира с тысячами оттенков, смыслов и шансов. Стояла прямая

задача: оценить параметры этого мира, найти путеводителей, по аналогии с наукой и вертолетом в распоряжении ледового капитана, и выстроить в мире литературы свое особое место, доньше как бы не занятое никем. При этом сразу было понятно: новые мои друзья естественно могут стать поддержкой в этом пути за горизонт, но они же неизбежно будут и конкурентами, если вдруг где-то кому-то из издателей и редакторов покажется, что литературный новичок с инженерным дипломом выглядит ярче и видит Арктику неожиданнее и интереснее. Например, со стороны ледовых полей и авиационных подвигов, вместо геологических карт или тундрово-олениводческих реалий, на которых строилась основная литературная традиция нашей Чукотки. И конечно, оглядывая творческим взором ледовые горизонты, невольно и неукротимо этот взор обращался на загадочный американский восток.

Среди всех оттенков литературной традиции всегда просматривалась, а иногда и преобладала поэтика первооткрывателей Севера, тяжелой тундровой работы и величия человека, словно заимствованного от могущества окружающей природы. Проглотив первый набор книг моих новых певческих друзей, добавив к ним акварельно изящную прозу Альберта Мифтахутдинова, с которым познакомился через два года уже в Магадане, и этнографию Владлена Леонтьева, и наложив это на уже освоенный с юности массив знаний

об Арктике, я подсознательно понял, что моя тема в литературе Севера, если этот путь вообще сложится, должна быть именно морской, связанной с тем, что я знаю профессионально. Хотя Чукотка уже завораживала всеми своими реалиями – и геологическими, и этническими, и фантастическим биоразнообразием буйного лета, и запахами, и просторами тундровых долин, и девственной чистотой рек с танцующими хариусами. Все это затягивало невероятно, лишая сна и будоража фантазию как четкая жизненная задача, говоря словами Куваева.

5. ЧУКОТСКИЙ СЦЕНАРИЙ

Мы писали друг другу письма, а в них обсуждались планы экспедиций. Образ советской жизни и мой диплом корабела, однако, требовали твердого места городской работы с зарплатой и отпуском, и моя уже испытанная привязка к штабу в Певеке на две навигации ни с какими экспедициями не совмещалась. Неспроста ведь у большинства людей, становившихся литераторами в те годы, трудовые книжки вместо перечня должностей, заводов и организаций напоминали некий маршрутный лист с пунктами остановок – грузчик, кочегар, художник, разнорабочий, сторож, дворник. Наудачу у меня уже был в Магадане Эдик Гунченко, друг-геолог из юкагиров – этнической группы на восточной Чукотке, населяющей пойму реки Анадырь, *Начинающий*, как я, литератор с набором газетных и журнальных публикаций. Решение было принято быстро и безоглядно, несмотря на всю его болезненность для отца и семьи – в Магадан! Именно оттуда открывались пути на чукотские просторы, в манящие интонации полярной литературы и в загадки восточного берингского соседа.

Навязчивой, саднящей интонацией среди других была для меня тогда волнующая с юности трагическая история американского летчика Карла Бена Эйелсона, основателя ком-

пании Аляска Эйрлайнс, погибшего на Чукотке на рубеже 1930-х годов. Верный зародившимся в те годы неписанным нормам полярного братства, но и попутно исполняя коммерческий заказ знаменитого на Берингийских берегах промышленника и предпринимателя Олафа Свенсона, он взялся вывезти хотя бы часть груза пушнины на грядущий аукцион в Сиэтле с зазимовавшей в конце 1929 у мыса Северного (ныне Шмидта) своей шхуны «Нанук». Задача удваивалась тем, что рядом со шхуной оказался в ледовом плену на зиму советский пароход «Ставрополь», и его не менее знаменитому капитану Миловзорову требовалась срочная медицинская помощь на материке – неважно каком. Молодая советская власть, в отличие от российской век спустя, успешно выстраивала связи и отношения с внешним миром, несмотря на внутренние проблемы и «красный террор»: идеи коммунизма витали над миром, и никому не приходило в голову из-за разницы позиций и мировоззрений черно-бело клеймить целые страны на дружественные или нет.

Авиационная операция берингийской зимы 1929—30 года вылилась в настоящую российско-американскую эпопею, о которой остро и постоянно хотелось напоминать всем, воплотив не просто в книгу, а сразу в фильм. Больно уж яркая, выпуклая это была фактура, и что ни человек – участник эпопеи, то легенда.

Но ни о книге, ни о фильме по этой истории слышать не приходилось, хотя о спасении итальянцев с потерпевшего в Арктике катастрофу дирижабля генерала Нобиле, и о спасении экипажа раздавленного парохода «Челюскин» из ледового лагеря Шмидта хватало и книг, и фильмов. В итоге, после нескольких визитов в библиотеку и в архив фактура была набрана и сценарий фильма вскоре написан. Самым важным, захватывающим акцентом в нем, как и в самой истории, были абсолютная сопричастность и взаимное доверие между летчиками и моряками обеих стран. Они, ставшие единой командой на долгие пять месяцев с ноября по март, вынуждены были планировать и выстраивать в условиях полярной ночи уникальные авиационные операции, посадки и взлеты, на диком заснеженном берегу, при сильных ветрах и снежных зарядах, на самолетах, лишенных всякого комфорта, тепловой защиты и надежной связи. На пространстве от Аляски до мыса Северного работали лишь маломощные радиостанции в Номе, бухте Провидения, Анадыре, на острове Врангеля и на «Ставрополе».

Зимовки судов в Арктике в те годы были проблемой тяжелой, но вполне рабочей, если хватало на всю зиму главного – угля и моторного топлива, если его удавалось доставить из недалеких копей или из завезенных летом в поселки запасов. В этот раз его на пароходе хватало, однако около тридцати пассажиров, вывезенных их колымских поселков,

нужно было срочно доставлять на материк. Поэтому капитан обратился в Совнарком с просьбой организовать эвакуацию людей самолетами. Экспедиция была одобрена, но стоит вообразить себе ее масштаб: общество «Добролет» выделило из якутского отряда два самолета «Юнкерс W-33» с экипажами летчиков Слепнева и Гальшева и горючим и отправило во Владивосток к 30 октября. К этому же сроку здесь спешно выпустили из ремонта ледорез «Литке», который доставил самолеты со снаряжением в Providenia 15 ноября.

Тем временем опытный полярный волк Свенсон, имевший эксклюзивные права на снабжение чукотских поселков и закупку у них пушнины, оленины и моржовой кости через свои фактории по договору с Советским правительством, не сидел на своей парусно-моторной шхуне сложа руки. Через Общество «Аляска Эйруэйз» он запросил разрешение у Москвы на право полетов над Чукоткой для вывоза пушнины на аукцион. Получив разрешение, уже в последние дни октября американские пилоты Дорбанд и сам глава компании Эйелсон вылетели из Нома и посадили два своих самолета у мыса – один на лыжах, второй, более тяжелый «Гамильтон», на больших колесах. Оглядев выбранную площадку, летчики приняли часть груза со шхуны и вернулись на Аляску, пообещав Свенсону и Миловзорову вывезти их в Ном следующим рейсом через несколько дней.

Но в ноябре начались пурги, и Берингов пролив был закрыт для полетов. Вылететь решились только десятого, не дождавшись толком нормальной погоды: спешили. Над проливом самолеты в снежных зарядах потеряли друг друга, и «Стирмэн» Дорбанда был вынужден вернуться. «Гамильтон» Эйелсона до мыса Северного так и не долетел. Общество воздушных сообщений Аляски обратилось к Осоавиахиму с просьбой оказать содействие в поисках. С той же просьбой к Советскому правительству обратился Сенат США. И началась, наверное, самая горячая и долгая авиационно-поисковая зима в истории Чукотки. По крупицам от чукотских охотников-очевидцев были собраны свидетельства того, что самолет все-таки преодолел пролив и был замечен недалеко от устья Амгуэмы. Начались поиски санными экспедициями со шхуны, но без хотя бы примерных ориентиров они были заведомо обречены. Многочисленные попытки американских летчиков пройти над трассой весь ноябрь и до конца декабря пресекала погода, вынуждая их порой садиться в тундре и пережидать пургу.

В конце декабря два самолета все же добрались до мыса и в январе продолжали поиски. Но лишь 26 января, уже потеряв надежду и вылетев на Аляску, летчики углубились в тундру и заметили в снегах блестящее крыло «Гамильтона». В тот же день из Провидения вылетела и наша двойка «Юнкерсов» со Слепневым и Галышевым. Погибших нашли,

но для их эвакуации понадобилась отдельная, санная экспедиция со «Ставрополя».

Alaska State Library - Historical Collections

Бен Эйелсон

В тундре работало до тридцати человек – моряки, пасса-

жиры, чукчи из Уэлена вместе с председателем исполкома, санные партии из Провиденция. Жили в палатках и снежных пещерах – пришлось ведь долбить жесткий наст и лед, чтобы достать тела летчиков. 27 февраля их погрузили в самолет, который вылетел в Фэрбэнкс в сопровождении советского самолета с пилотом Слепневым и бортмехаником Фарихом – их пригласил лично губернатор штата. В Фэрбэнксе советским летчикам устраивались торжественные встречи, их ожидали семьи погибших. Отец Эйелсона выразил желание, чтобы на гроб сына, вместе с американским и канадским флагами, был возложен советский. Американский военный караул первый раз в истории салютовал красному знамени советской страны...

Пока американские коллеги вплоть до мая тридцатого года вывозили в Ном капитана Миловзорова, Свенсона и его злополучную пушнину, наши летчики возвращались домой долгим путем через Гавайи, Японию и Владивосток. В этот год мой отец, зачарованный ледовыми подвигами моряков в Арктике, поступил в Херсонскую мореходку, навсегда определив свою судьбу. На карте Чукотки появилось новое памятное место – Коса Двух Пилотов, а в моем архиве спустя сорок лет – написанный сценарий фильма с тем же названием. Но куда с ним пойти? Решение подарил отец: в одну из навигаций он встречался в Певеке с известным кинорежиссером, сыном поэта военных лет Алексеем Симоновым,

и знал, через кого в Москве я могу найти его контакт – телефон или адрес. Это был шанс, и в одной из поездок нам удалось встретиться в кабинете заместителя начальника Главсевморпути при союзном Минморфлоте Бронислава Майнагашева, известного ледокольщика из Мурманска, несколько лет руководившего операциями в Западном секторе Арктики. Разговор был короткий – моя история лежала далеко за пределами интересов Симонова, телевизионного режиссера, писателя и переводчика. Когда спустя тридцать лет он, создатель Фонда защиты гласности, был у нас дома во Владивостоке, мой рассказ об этой краткой встрече никак не всколыхнул его память. А написанный сценарий был частично использован в моем историческом романе «Паковый лед», изданном в Москве в восьмидесятые годы.

6. АЛСИБ

9 октября 1941 года на заседании Госкомитета обороны товарищ Сталин, перевернув пару листков календаря, поставил задачу: через два дня маршрут авиатрассы должен быть готов. Через неделю на трассу Аляска – Красноярск, разделенную на пять отрезков, вылетела первая группа специалистов. Обновили два аэродрома в Якутске и Красноярске, в других пунктах строили их с нуля. Подготовили пять запасных аэродромов. Американцы предлагали другой маршрут – через Камчатку, Сахалин, Хабаровск, Иркутск, по более обжитым районам с менее суровым климатом, рассчитывая на удобные гостиницы и надежную связь. В советском варианте от Берингова пролива он был прочерчен практически по линейке – через Чукотку, Верхоянский хребет и полюс холода. Нашим пилотам комфорта обеспечивать никто не собирался. В первом пункте маршрута, эскимосском Уэлькале, летчики отдыхали в наспех сколоченных бараках, питались консервами, механиков и мотористов селили в фанерные яранги, обложенные снегом.

Аэродромы сооружали заключенные, и уже в июле 1942 года Владимир Коккинаки на американском бомбардировщике Mitchell пролетел по трассе и доложил, что вчерне она готова. С неизбежными потерями зимой смирились

заранее – скорость доставки самолетов на фронт была важнее. Известный полярный летчик Илья Мазурук вернулся на Дальний Восток с фронта большим начальником – командиром перегонной авиадивизии и всего АлСиба. На «Митчелле» с нарисованным белым медведем он провёл из Фэрбенкса первую партию самолетов. Истребители с подвешенными запасными бензобаками летели за бомбардировщиком клином, как журавли. Только так можно было не растерять их – штурмана в одноместном самолете не предусматривалось.

В Уэлькале, осмотрев и заправив технику, механики передавали ее летчикам второго полка, выходявшим на второй отрезок трассы, пока первая партия перегонщиков возвращалась на Аляску. Теоретически, советскую часть маршрута, состоящую из пяти этапов, можно было пролететь за пять дней. Но уже на первом перегоне летчики в полной мере испытали коварный характер трассы, прочерченной в кремлевских кабинетах. Условия были невыносимыми, против была и природа, и техника союзников. Самолеты чинили, погода не давала взлетать, вынуждала уходить на запасные аэродромы. В итоге вместо пяти дней первая партия самолетов добиралась до Красноярска больше месяца. Две машины были потеряны. А после сдачи первых самолетов погибли летчики пятого перегонного авиаполка: сразу после взлета разбился транспорт, возвращавший их на базовый аэродром.

Трассу совершенствовали, оснащали новыми средствами навигации. Командиров, допускавших аварии, снимали, разжаловали – но катастрофы продолжались. Истребители, время боевых вылетов которых редко превышало час, на перегоне держались в воздухе несколько часов. Пилоты теряли ориентацию, перелетая через горы в облаках и тумане, испытывая кислородное голодание. Не менее 115 летчиков погибло здесь в годы войны. Вся история АлСибга стала историей трагедий и героизма. Но свою военную миссию Берингский авиамоств выполнил – по ней перелетело более половины поставленных в СССР столь нужных нашим летчикам «Аэрокобр». С Аляски через Сибирь наши летчики перегоняли усовершенствованные истребители «Кингкобра», транспортные «Дугласы», тренировочные «Тексаны», бомбардировщики «Митчелл» и «Бостон».

7. МАГАДАН: ЛЮДОПАД ИГУАСУ

В Магадане Гунченко меня приютил поначалу в теплом подвале своей пятиэтажки, а певекский знакомый Юрий Васильев к тому времени стал руководителем областной писательской организации и тоже перебрался в положенную по статусу квартиру в самом центре города. По сути это был творческий клуб, куда ежедневно стихийно сходились поэты и прозаики, художники и столичные диссиденты, где в воздухе витали самые невероятные тундровые и литературные истории, рождались сюжеты, давались безжалостные и честные оценки тому, что недавно опубликовано, или над чем пока работают мэтры тамошней литературы. Здесь читались стихи и едкие эпиграммы, планировались поездки и экспедиции, рождались авторитеты и кандидатуры в святая святых советской литературы – Союз писателей. Членство значило фактически гарантированный успех у издателей, хотя далеко не всегда – у критиков, обещало гонорары, творческие оплаченные поездки и даже квартиры, которые тогда никто не покупал – их просто ДАВАЛИ.

В кипении этого творческого бульона уже тогда главенствовали имена Куваева, Мифтахутдинова, Леонтьева, Рыт-

хэу, поэтов Анатолия Пчелкина, Миши Эдидовича и Тони Кымытваль. Но протекало через сообщество и много других, чьи имена в памяти стерлись – я ведь и сам был здесь фигурой временной. И если и оставил свой след в чьей-то памяти, то лишь наделавшей шуму в городе встречей с канадцем Фарли Моуэтом, позволившей попутно потренировать мой институтско-дипломный английский. Удачным следом оказался и мой самый счастливый рассказ «Как уезжал Маркаров» о нашей рыбалке с Колей Балаевым на озере Эльгыгытгын два года назад, когда я работал в певекском Штабе. Именно его оценил вскоре Олег Куваев, и это стало основой наших контактов, а потом и поводом для разных экспедиционных и творческих замыслов. Переписка, которую мы затеяли с великим Моуэтом, привела лишь к упоминанию в его книге «Siberians», с которого я начал эти записки, да еще к нескольким книгам-оригиналам, пришедшим ко мне однажды в изодранной посылке.

...Магадан – это фуга, написанная снежным тундровым бродягой, отбывшим свою каторгу длиной в два с лишним года, чтобы затем на полгода, покоряясь советскому трудовому праву, выпасть в заветный пляжно-тропический астрал. Потому что никакие реальные анталии с хургадами и дубаями были тем людям неведомы и недоступны, как лунное Море Дождей. Астрал же был доступен на склоне главного магаданского проспекта, под горящей в сумраке полярной полу-

ночной пурги вывеской «Кинотеатр Горняк». Давали фильм «Пусть говорят» с испанским сладкогласым херувимом Рафаэлем на фоне грандиозного бразильско-аргентинского водопада на реке Игуасу. Его романтические мелодии вкупе с каскадами пенной воды заставляли зрителей сомнамбулически возвращаться в кассу за новым билетом, едва выйдя из кинозала – лишь бы не возвращаться сразу в жестокую реальность пурги, колымской трассы и ледовых караванов, вытесненных на время акварелями далекой тропической реки. Десятилетия спустя, оказавшись в центре этого водопада после встречи Глобальной лесной коалиции (GFC) в Асунсьоне (Парагвай) я не мог отделаться мысленно от этих мелодий Рафаэля, которые заглушали грохот воды и еще долго не отпускали.

Эти магаданские два года вместили множество встреч, невероятных судеб и споров о главном – что есть Колыма для свободного человека в несвободной стране? Просто зона лагерей или тяжкий путь познания себя и мира? Об этом говорили на литературных посиделках у Васильева, и на не менее бурных у великого философа – московского психиатра Мирона Этлиса, позже приютившего нас с женой и беглым московским диссидентом Пашкой Радзиевским, добравшим в середине 70-х аж до Парижа. Об этом думали и молчали у художника Виктора Кошелева и его жены, директора областной библиотеки. И эти дискуссии вовсе не за-

кончились с моим возвращением во Владивосток. Даже наоборот: физическое выпадение из северного творческого сообщества просто перевело всю его могучую энергетику для меня в некий астрал, в интенсивную переписку. А главное – запустило собственный творческий процесс, вскоре ставший нормой, привычкой. Я начал писать постоянно – вставал ночами часа в 2—3 без всякого будильника, сон сгоняли северные воспоминания, образы, сюжеты. И писал часов до 5—6 на тесной кухне владивостокской хрущевки. Работе на зональной радиостанции «Тихий океан» это почему-то не мешало, она существовала как бы в параллельной реальности, помогала оттачивать слово, искать яркие образы.

Но было и другое: «Тихий океан» оказался уникальной дальневосточной редакцией, позволявшей ездить в командировки по всему региону, в том числе и на любимую Чукотку, заветную часть Берингии. И я использовал эту возможность на полную, добавляя к официальному отпуску часто дни, а то и недели «без содержания». Меня манила тундра, где на перевалбазе Рымыркэн жил с женой и сыном добрый друг Коля Балаев, ставший в 70-е годы главной опорной фигурой на Чукотке и для Куваева. «Перевалку» Балаева знали в Чаунском районе все – совхозные директора, вертолетчики, геологи, журналисты, и конечно писатели. Вертолетчики, естественно, были главными, потому что работали как нормальное маршрутное такси, допускающее, однако, отклю-

нения от маршрута в интересах пассажиров или своих собственных. А интерес заскочить к тундровику Балаеву на озеро Рымыркэн, сделав небольшое отклонение от заявленного маршрута, находился часто – кто же откажется от мастерски сделанной юколы или свежей озерной рыбки, маринованных или соленых грибочков, тундровой ягоды и приятного разговора о жизни и литературе за чаем или самогонкой с мудрым писателем-философом из подмосковной Рузы!

Каждый чукотский отпуск начинался с Магадана, где в центральной писательской квартире, сменив Васильева на посту председателя писательской организации области, главенствовал Алик Мифтахутдинов. И снова крутились варианты маршрутов – то ли с одним авантюристом пройти на собачьих упряжках побережьем Охотского моря до Аяна и Тугура, то ли подсесть в вертолет к ученым и побывать на заповедном острове Врангеля. То ли улететь в Провидения и добраться до эскимосского Чаплино. Там был шанс сходить на морскую охоту на вельботе с диковинным канадским подвесным мотором «Пента», одним из даров торгового Берингийского моста, наследием первопроходца Олафа Свенсона. Заодно при удачной погоде поглазеть на далекий западный мыс американского острова Святого Лаврентия в 80 километрах от Чукотки. Или просто уйти в полу-пеший маршрут с попутными вездеходами с московскими ботаниками, изучавшими богатую тундровую флору, эти чу-

десные мытники, мятлики и лютики. Все это не просто обсуждалось, но и реализовывалось, пусть не всегда успешно и не до конца. Но со временем эти идеи полярных путешествий, нанизанные на причудливые человеческие коллизии и характеры, ложились в основу рассказов, повестей, романов и даже фильмов.

8. АСХАТ ЗИГАНШИН – БУГИ

...«17 января 1960 года около 9 часов утра во время сильного шторма спущенная незадолго до этого на воду наша баржа «Т-36» была сорвана со швартовых концов на курильском острове Итуруп и после тринадцатичасовой борьбы со штормом была унесена в открытый океан. Мы с ребятами, Поплавским, Крючковским и Федотовым, надеялись на лучшее. Не знали, что на второй же день на берег Итурупа выбросило спасательный круг с нашей баржи и разбитый ящик из-под угля с бортовым номером. Обломки нашли и решили, что мы погибли, налетев на скалы. Родным командование отправило телеграммы: так, мол, и так, ваши сыновья пропали без вести. Наверное, никто и не думал напрягаться, организовывая масштабные поиски. Успешные испытания ракет для страны были гораздо важнее четверых исчезнувших солдат...

А мы продолжали дрейфовать. Мысли все время крутились вокруг еды. Я стал варить суп раз в два дня, используя одну картофелину. На последнем отрезке дрейфа потихоньку начала отъезжать «крыша», пошли галлюцинации. Мы почти не выходили на палубу, лежали в кубрике. Сил совсем не осталось. Пытаешься подняться, и словно получаешь удар обухом по лбу, чернота в глазах от физического истощения. Голоса какие-то слышали, звуки посторонние,

гудки кораблей, которых в действительности не было. Пока могли шевелиться, пробовали ловить рыбу. Точили крючки, мастерили примитивные снасти... Но океан бушевал почти без перерыва, за все время ни разу не клюнуло. А мы и медузу съели бы, если бы вытащили. Правда, потом вокруг баржи стали кружить стаи акул. Метра по полтора в длину. Мы стояли и смотрели на них. А они – на нас. Может, ждали, что кто-нибудь за борт без сознания свалится?

Постепенно съели ремешок от часов, кожаный пояс от брюк, взялись за кирзовые сапоги. Разрезали голенище на кусочки, долго кипятили в океанской воде, вместо дров используя крапцы, автомобильные покрышки, прикованные цепями к бортам. Когда кирза чуть размякала, начинали жевать ее, чтобы хоть чем-то живот набить. Иногда обжаривали на сковородке с техническим маслом. Получалось что-то вроде чипсов. Первый корабль мы заметили только на сороковые сутки. Далеко, почти на горизонте. Махали руками, кричали – без толку. Тем же вечером увидели огонек в отдалении. Пока разводили костер на палубе, судно скрылось вдали. Еще через неделю мимо прошли два корабля – тоже безрезультатно. Последние дни дрейфа были очень тревожными. У нас оставалось полчайника пресной воды, один сапог да три спички. С такими запасами протянули бы пару суток, вряд ли больше.

7 марта услышали какой-то шум снаружи. Сначала решили: опять галлюцинации. Но не могли же они начать-

ся одновременно у четверых? С трудом выбрались на палубу. Смотрим – над головами кружат самолеты. Набросали на воду сигнальных ракет, пометили район. Потом вместо самолетов появились два вертолета. Спустились низко-низко, кажется, рукой дотянуться можно. Тут уже мы окончательно поверили, что мучениям конец, помощь пришла. Стоим, обнявшись, поддерживаем друг друга. Дрейф неуправляемого судна продолжался 49 дней.

Из люков высунулись пилоты, сбросили веревочные тросы, показывают знаками, как подниматься, что-то кричат, а мы ждем, когда кто-нибудь спустится на баржу, и я как командир поставлю свои условия: «Дайте продукты, топливо, карты, мы сами домой доберемся». Так и переглядывались: они – сверху, мы – снизу. Вертолеты повисели-повисели, топливо кончилось, они улетели. Их сменили другие. Картина та же: американцы не спускаются, мы не поднимаемся. Смотрим, авианосец, с которого вертолеты взлетели, разворачивается и начинает удаляться. И вертолеты следом. Может, американцы подумали, что русским нравится болтаться посередине океана?

В этот момент мы по-настоящему струхнули. Поняли: сейчас сделают нам ручкой и – тью-тью. Хотя даже тогда мысли не было, чтобы бросить баржу. Пусть хоть на борт к себе поднимают! Из последних сил начали подавать американцам знаки, мол, не бросайте на погибель, заберите. К счастью, авианосец вернулся, подошел поближе,

с капитанского мостика на ломаном русском нам прокричали: «*Pomosh vam! Pomosh!*» И опять вертолеты в небо подняли. На этот раз мы не заставляли себя уговаривать. Я влез в спущенную на палубу люльку и первым поднялся на борт вертолета. Мне сразу сунули в зубы сигарету, я с удовольствием закурил, чего не делал много дней. Потом и ребят подняли.

На авианосце тут же повели на кормежку. Налили по миске бульона, дали хлеб. Мы взяли по небольшому кусочку. Показывают: берите еще, не стесняйтесь. Но я парней сразу предупредил: с голодухи нельзя обжираться, это плохо заканчивается. Все-таки вырос в Поволжье в послевоенное время. Американцы выдали чистое белье, бритвенные приборы, отвели в душ. Только я начал мыться – рухнул без сознания. Видимо, организм 49 суток работал на пределе, а тут напряжение спало. Очнулся через три дня. Первым делом спросил, что с баржей. Санитар, присматривавший за нами в лазарете, лишь плечами пожал. Тут у меня настроение упало. Отношения у СССР и США в тот момент были не ахти. Опасался, что нас в Штатах оставят, не разрешат вернуться домой. А если отпустят, что ждет в России? Не обвинят ли в измене Родине? Я же советский солдат, комсомолец, попал к акулам мирового империализма...

Но американцы относились к нам исключительно хорошо, даже специально вареники с творогом сварили, о кото-

рых мы мечтали на барже. Коком на авианосце служил потомок эмигрантов с западной Украины, он знал толк в национальной кухне... И все же в первые дни после спасения я подумывал о самоубийстве, примерялся к иллюминатору, хотел выброситься. Или на трубе повеситься. Только через 40 лет я узнал, что милиционеры с особистами тогда шастали у нас в доме по чердакам да подвалам. Наверное, думали, что мы с ребятами дезертировали, уплыли на барже в Японию. Что я нашелся, не погиб, в марте 60-го родные услышали по «Голосу Америки» – раньше, чем было отправлено письмо с места службы о нашей пропаже без вести. Наши власти неделю решали, как реагировать на новость, что с нами делать. Лишь на девятый день, 16 марта, в «Известиях» на первой полосе появилась заметка «Сильнее смерти».

К этому времени мы успели дать пресс-конференцию на борту авианосца. С Гавайских островов прилетел переводчик, неплохо знавший русский, с ним – несколько десятков журналистов. Посадили нас в президиум, мороженое каждому принесли. Какой-то корреспондент спросил, говорим ли по-английски. Вскочил Поплавский: «Thank you!» Все рассмеялись. Потом поинтересовались, откуда мы родом, из каких мест. На том пресс-конференция и закончилась, толком не начавшись. Отвели обратно в каюту, поставили у дверей часовых, чтобы никто без спросу не ломился. Правда, в Сан-Франциско, куда мы прибыли на девятые сутки, пресса свое

наверстала, сопровождала на каждом шагу. О нас и по американскому телевидению рассказывали.

Принимали нас в Штатах по высшему разряду! Мэр Сан-Франциско подарил символические ключи от города, произвел в почетные жители. Ко мне потом в Союзе девушки долго приставали с расспросами: «А правда, что ключ золотой?» В посольстве нам выдали по сто долларов на карманные расходы. Я набрал подарков маме, отцу, сестрам. Отвели в модный магазин и приодели: купили каждому пальто, костюм, шляпу, галстук. Правда, в узких брюках и остроносых туфлях дома я ходить не решился, не понравилось, что стали обзывать стилиягой. Брюки отдал брату Мише, а ботинки – Крючковскому. Тот родным отправил. Еще нам подарили яркие трусы с ковбоями. Я их дико стеснялся, зачихнул за батареею отопления, чтобы никто не видел.

По пути из Сан-Франциско в Нью-Йорк каждому подарили в самолете по шкалику виски. Я пить не стал, привез домой, брату отдал. Кстати, на авианосце был забавный эпизод, когда переводчик принес нам две бутылки русской водки. Говорит: по вашей просьбе. Мы сильно удивились, а потом посмеялись. Видимо, хозяева перепутали воду и водку. Нас спрашивали аккуратно, не боимся ли возвращаться. Мол, если хотите, предоставим убежище, условия создадим. Мы категорически отказывались – советское патриотическое воспитание. Про нас потом и говорили: эти четверо прославились не тем, что гармошку съели, а что в Штатах

не остались. В Москве в первые дни опасался, как бы не уpekли на Лубянку. Но наоборот – встретили у трапа самолета с цветами. Вроде бы даже звание Героев Советского Союза хотели дать, но все ограничилось орденами Красной Звезды. Мы и этому были рады».

Такой запомнилась эта давняя история простому флотскому пареньку, вдруг открывшему для себя, на грани голодной гибели, реальные масштабы и многообразие Берингийского мира, мало похожего на креатуры советской пропаганды. История, ставшая на короткое время самой вкусной темой для журналистов и самой неожиданно трудной для политиков по обе стороны океана. А для простых советских людей, утомленных карикатурами на Дядю Сэма и вездесущей кукурузой генсека Никиты Хрущева, эпопея Зиганшина с командой стала поводом для беззлобной народной прибаутки:

«Зиганшин-буги, Зиганшин-рок
Зиганшин съел один сапог!..»

9. РЫЦАРИ НЕБА И МОРЯ

Журналистская работа и жизнь во Владивостоке в 70-е годы наполняла другими реалиями, отвлекая от тундровых и Берингийских сюжетов и воспоминаний. Порой выбор – в какую тему погрузиться всерьез, чтобы ночами она срывала с постели и влекла на кухню к бумаге — бывал мучительным. Да, все тогда писалось от руки ночами, и лишь вечерами или в редкие паузы в редакции превращалось в машинописные страницы. И сам этот выбор – какому из впечатлений и опытов жизни отдать предпочтение в лучах настольной лампы или в бессонных раздумьях – оказывался нескончаемой и упоительной работой души. Тронутое печалью «Человека-амфибии», зачарованное фильмами и книгами Кусто, наше поколение ринулось в аквалангисты, в подводный спорт. Гонялись по стране в поисках самых крутых ласт и масок, мастерили свои, а морякам, ходившим в Америку и Сингапур, заказывали дорогушие гидрокостюмы из неопрена – особый шик приморских городов. В молодежных тусовках кипели споры и амбиции – кто постиг бОльшую глубину и у какого мыса, кто испытал кислородное отравление, а кто – азотный наркоз.

На военных сборах диверсантов, куда меня оформили военкомы после защиты диплома на английском, полярные

грезы были сметены упоением парашютного полета. Мир строп, куполов и техник скольжения оказался еще более захватывающим: когда после мягкого хлопка раскрытого над тобой купола ты паришь над безмолвным миром, над тайгой и морем, над реками и горами, собственное могущество захлестывает, вырывая из глотки восторженный вопль восторга и безграничной свободы. Увлечение гитарой, горами и Высоцким, повальное в те годы, привело в бардовскую и горнолыжную столицу Приморья – Арсеньев, где я начал осваивать и дельтаплан, продолжив эти захватывающие полеты позже в латвийской Сигулде. Город Арсеньев открыл фантастический туристско-песенный мир авиаинженеров, блистательно талантливых, невероятно образованных, нищих и бескорыстных, как ангелы.

Так родилась небольшая повесть «Подъемная сила», напечатанная в журнале «Юность» в 1982 году и сделавшая меня героем этого сообщества. Так завелась в доме навеки уникальная и бесценная по звучанию рукотворная гитара арсеньевского мастера и кумира всех туристов Бори Васильева. Он творил свои инструменты дома из редкого тропического дерева, из которого были сделаны ящики для приходящего на авиазавод иностранного ценного оборудования, и вручал свои гитары самым выдающимся лауреатам ежегодных фестивалей, которые были не менее популярны, чем знаменитый Грушинский на Волге. Так возникла и моя дружба

с известным дальневосточным бардом, обладателем дивного певческого голоса и поэтического таланта Сергеем Булгаковым, организатором множества песенных фестивалей от Арсеньева до Камчатки и БАМовской столицы Тынды. И было ничуть не удивительно, что с открытием реального Берингийского авиамоста, когда в Сан Франциско повалили дальневосточные художники со своими картинами, Булгаков от них не отстал, сумел дать в неформальной калифорнийской столице несколько концертов.

Был в моей жизни тогда, кроме никогда не отпускавшей Арктики, еще один великий магнит – научные морские станции в Хасанском районе. Сначала МЭС – Морская экспериментальная станция в бухте Троицы, которую я помогал строить своим родственникам и друзьям-ученым на месте брошенной военной казармы. Потом первое хозяйство марикультуры по разведению гребешка в Посьете, где мне даже удалось поработать летом в качестве водолаза-аквалангиста. И наконец знаменитая научная станция в бухте Витязь, ради которой я оставил радиоредакцию и где значился просто инженером. Очарование этой страницы биографии состояло в том, что работал я кем придется – плотничал, столярничал, клал каминь на радость друзьям-ученым, и даже одно время руководил отрядом гидронавтов, готовящихся изучать глубины моря на автономном подводном аппарате «Оса», построенном в Подмосковье. Так родился первый до-

кументальный фильм «Гребешок», снятый на студии «Даль-телефильм» и получивший несколько призов на международных фестивалях. Так возникла и первая книга – «Рыцари моря».

Это была своеобразная дань удивительным образом реализованной мечте о «коммунизме в отдельно взятом сообществе», или наш, советский вариант реальной коммуны, общества счастливых и великих ученых, работяг, инженеров, водолазов и просто мечтателей на берегах чистого моря, на останках военно-морской базы. Сюда потянулись экспедиции из знаменитого Томского подводного клуба «Скат», давшего стране плеяду мировых чемпионов по подводному плаванию, выращенных в центре Сибири. Ученые с разных концов страны дивились на причудливый дом-крепость знаменитого в Приморье польского графа-исследователя Михаила Янковского в центре поселка и раздавали советы хозяевам базы – как превратить его в уникальный туристический объект. Местные краеведы рассказывали невероятные истории об ученом-предпринимателе, о его оленепарках и женьшеневой плантации, а самые въедливые знатоки добавляли рассказы о приключениях его сына Александра на аляскинском Клондайке, явно и щедро обогащенные фактурой из обожаемого дальневосточниками Джека Лондона.

Мало кто думал при этом, откуда проистекает немалое

финансирование всей этой красивой жизни – дорогого лабораторного и подводного оборудования, катеров, машин, инфраструктуры поселка, командировок. Вечерами в роскошном музыкальном салоне у биохимика Вячеслава Со-вы, в уютном уголке бухты с полноценным туалетом, унита-зом и газоном внутри, собирались друзья послушать рас-сказы ученого о недавних поездках на машине через всю Америку и отведать морские деликатесы особого пригото-вления. В его историях Берингийский русско-американский мост, отодвинутый на время в сознании, обретал новые фор-мы и открывался новыми смыслами, будоража фантазию.

Впрочем, деликатесы позволяли себе не все. Был среди обитателей этой коммуны, к примеру, один чудак Юра Вол-ков, водолазный начальник и создатель первого марикуль-турного хозяйства в Посъете, который считал, что кушать то, что ученые учатся разводить для восстановления подор-ванных популяций, гребешка и трепанга, зазорно и непоз-волительно. Пока, мол, популяции не станут полностью вос-становлены. За то он и стал героем нашего фильма «Гребешок», хотя его точку зрения мало кто разделял, как сугубо эмоциональную и научно не вполне обоснованную. Гребешки и трепанги, вместе с разнообразной рыбой, не исчезали из тарелок и кухонь «витязян», составляя одну из экзоти-ческих особенностей этого своеобразного бытия. И никому из них не могло тогда прийти в голову, что спустя всего два-

дцать лет и предприимчивый ученый Сова, и правая рука Волкова Вася Калашников воспользуются реальным Берингским мостом и развернут свой успешный, научно обоснованный бизнес на той стороне Пацифики, на благодатных берегах Америки.

10. МЫС БАРРОУ И «АДМИРАЛ МАКАРОВ»

Рядом с Феско Холлом во Владивостоке есть необычная скульптура: три серых кита выпрыгивают из льда. С нею связана отдельная и замечательная берингийская история. В начале октября 1988 года семья из трех серых китов направлялась на зимовку к побережью Калифорнии и оказалась заперта льдами в лагуне у мыса Барроу, на самом севере Аляски. Обнаружил китов эскимос Рой Амаогак из горodka, где проживали 3 тысячи человек. Эскимосы имели официальное разрешение бить китов с целью пропитания, и обычно так и делали, когда киты попадали в ловушку. Но на этот раз о китах прознали журналисты, а скоро и вся Америка. В Барроу отправились координатор Greenpeace на Аляске Синди Лори и корреспонденты крупных телеканалов.

Президент Рейган накануне окончания своего второго срока, когда его партия активно двигала в президенты Буша-старшего, отдал приказ спасти китов: участие в такой истории могло изрядно увеличить популярность нового кандидата в президенты. Тем временем лед все сильнее сковывал поверхность лагуны. Положение китов станови-

лось отчаянным, они уже не могли проломить ледяной панцирь. Было решено резать лед и расчищать для китов польною силами всех жителей поселка. Однако, несмотря на все старания, американцы не могли помочь. Понимая это, Рейган позвонил своему советскому коллеге Горбачеву, с которым недавно встречался в Рейкьявике. В результате многочисленных переговоров «в верхах» 22 октября советский морской министр Юрий Вольмер позвонил во Владивосток. В тот же день малыши-китенок погиб от переохлаждения и недостатка кислорода.

В эти дни в Арктике еще оставались после навигации ледокол «Адмирал Макаров» и вертолетоносец «Владимир Арсеньев», капитаны которых получили приказ следовать к берегам Аляски. Они подошли к мысу Барроу на рассвете 26 октября. На борт ледокола сразу прилетели руководители операции – Рон Моррис и командующий Северным флотом США адмирал Зигмунд Петерсен. «Адмирал Макаров» сумел пробить лед только до входа в лагуну – дальше было слишком мелко. Наступила очередь «Владимира Арсеньева», который практически полз брюхом по дну, расчищая проход к каналу, который уже прорубили американцы. Работа закончилась только утром 28 октября. Но появилась новая проблема: ослабленные киты не понимали, чего от них хотят люди. Тогда жители Барроу и журналисты стали толкать китов палками и руками в сторону выхода. Китов

подгоняли криками, а прямо по курсу стоял местный гитарист и пытался издавать звуки, похожие на призывные крики китов.

Рано утром вертолетная разведка донесла: киты наконец-то выбрались в море! Операция «Прорыв» (Breakethrough) закончилась. Американцы потратили на нее 5,5 миллиона долларов. С экономической точки зрения это было абсолютным безумием, но невероятный героический резонанс, который произвела операция во всем мире, оказался бесценным. Переживания за китов объединили тысячи людей из разных стран. Greenpeace набрал новый авторитет в мире, американцы и русские стали ближе друг к другу, а Джордж Буш-старший выиграл президентские выборы в США. За драмой у мыса Барроу следил торговец произведениями искусства из маленького городка Лейк-Цюрих в штате Иллинойс Тимоти Дагген. Восхищенный тем, что совершили русские, Тимоти решил отблагодарить наших моряков и сделать им подарок от всех американцев. Он разыскал в штате Миннесота скульптора Джерри Фэйбера, который работал с деревом, и передал ему заказ: сделать оригинальный памятник в честь спасения китов. Художник долго искал подходящее дерево, и нашел его в резервации индейцев Чипева. Это был 300-летний умирающий вяз, в который Джерри решил вдохнуть вторую жизнь.

Работал он три месяца, и когда скульптура была готова, оказалось, что Джерри решил изваять не двоих, а троих китов, выпрыгивающих из воды. «Знаете, я немного сентиментален и люблю хеппи-энды. – пояснил он советским журналистам. – Конечно, один кит погиб, но пусть их будет трое, ведь если бы ваши парни участвовали с самого начала, третий кит наверняка остался бы жив...» В США эту историю помнят до сих пор. О ней написаны книги, и на основе одной из них в Голливуде сняли фильм «Все любят китов», мировая премьера которого состоялась 3 февраля 2012 года. По словам участника операции, первого помощника капитана «Адмирала Макарова» Владимира Мороза, его не обидели некоторые стереотипные образы в киноленте вроде группового распития водки матросами на капитанском мостике. Гораздо важнее сам факт выхода картины, уверен он.

11. РЫМЫРКЭН И ДОМ ВОЛКА

При всей пестроте и многообразии новых интересов и сторон бытия, Арктика не отпускала. Уже работая на Витязе, я снова вырвался к Балаеву в тундру. И застрял на добрых два месяца, наслаждаясь олениной и хариусами с приправой в виде диковинного заварного картофельного пюре от американского Дяди Бена (Uncle Ben's), еще одного напоминания о славной торговой компании Олафа Свенсона. Добираться на озеро Рымыркэн довелось тогда на совхозном вездеходе, у которого при форсировании одной из речек разрушилась главная ходовая деталь – ведущая гусеницу звездочка. Мы встали на галечной косе в нудном, бездельном и голодном ожидании вертолета, который должен был привезти новую деталь. Конечно, у всех четверых пассажиров тундрового корабля при себе были и карабины, и удочки, так что настоящий голод в летней тундре нам не грозил. Но уходить далеко от машины за оленем было нельзя: вертолеты работают в тундре постоянно, и предсказать заранее, кто и когда сможет завернуть к нам, никто не мог. Так что основной едой были хариусы, печеные на костре, без хлеба и соли, тундровые ягоды и жалкие наскребушки макарон и круп, которые удавалось собрать в кузове вездехода.

Разумеется, добравшись до Балаева, мы отвели душу,

и мне даже единственный раз в жизни удалась охота на оленя. У Балаева был принцип: запасы консервов, хранящиеся у него на перевалбазе для кочующих оленеводов, использовать для себя лишь в крайнем случае, который никогда, впрочем, не случался. Семью кормила охота, рыбалка, ягоды, грибы, и даже бережно выращенная на особо отобранной почве редиска в добавок к диким луку и чесноку. Во мне нет ни грана того, что делает человека охотником, но у Балаева кончилось мясо, и я ушел в тундру, вооружившись карабином и биноклем. За тем оленем я бегал полдня, но охота удалась, и мой друг Николай был безмерно доволен, гася дивными котлетами мое беспокойство по поводу опоздания на работу в бухту Витязь.

Однако, олень – это много мяса, и его нужно как-то хранить, чтобы хватило надолго. Тут на помощь тундровику приходит природный холодильник – мерзлота, которая всюду под рукой. Точнее – под ногой. Берешь ломик, или кирку и лопату, и ковыряешь глину, пока не дойдешь до ледяных кристаллов в ней. Быстро снимаешь плотный, как камень, слой, укладываешь на его место завернутое в пластик мясо и укрываешь хранилище теплыми вещами – шкурами, или дерном. Морозильник готов, и будет верно служить даже в нередкую 30-градусную жару, когда комары и оводы особенно зверствуют вокруг разгоряченных людских тел. Там же можно хранить и свежую рыбу, если доведется нало-

вить с запасом в соседней речке или в озере.

Наверное, из всех этих пестрых событий могло бы родиться множество ярких рассказов, и кому-то они бы принесли реальную радость. Но для меня в простом пересказе перипетий путешествий не хватало главного – интриги и смысла. Без которых описанные приключения литературой никак не становятся. Что-то из пережитого, конечно, стало тем бисером, из которого позже складывались материи рассказов и повестей, но, разумеется, далеко не все. И это правильно. Глядя на нынешний разгул информационных технологий, приходится признать, что деление людей на тех, кто умеет печатать на клавиатуре и тех, кто умеет мыслить и анализировать окружающий мир, очень правильно. Подлинная литература сегодня окружена бесконечными каскадами, потоками текстов, погружена в них, подобно золотому самородку, сохраняющему свою чистоту мириады лет внутри массивов пустой и скучной породы. И любая в этом золоте примесь, равно как и отсутствие великого смысла в том, что силится выгладеть литературой, лишает ее защиты. Наверное, этим особо и сильна северная литература, или, если шире – любая литература, замешанная на дикой природе, осмысленной и впитанной человеком. Она химически и физически защищена от примесей и фальши, как защищены от небоскребов поселения людей на вечной мерзлоте.

Наконец, оглядываясь назад, на мозаичное панно прожитого и подборку написанного, рано или поздно задаешься вопросом: что же было важнее? Сама жизнь, выстроенная твоей волей, часто безрассудными решениями и поступками, неизбежными предательствами и утешительными высокими жертвами, или то, что и как о ней удалось рассказать в книгах? Для кого-то, кто через сто лет сможет открыть книгу и узнать о тебе, давно ушедшем в небытие, книги конечно важнее. Для себя и близких, всех, кто был рядом и умел жить со вкусом, время, потраченное на писание и издание книг, может, однако, показаться и украденным у жизни. У детей, у семьи, у любимых и у тех, кому нужна была твоя так и не оказанная помощь.

Могила Джека Лондона

Дом Волка

Об этом крутились в голове мысли, когда мы с племянником Сашей-Алексом, уже давно американцем по ту сторону Берингийского моста, стояли в калифорнийской долине Сонома у вызывающе скромной могилы Джека Лондона – романтика, писателя, поэта Севера, так и не сумевшего достроить свой Дом Волка. Это мрачное каменное строение вдруг подарило мне идею последнего и главного романа «Дом без окраин». Он был начат во время экспедиции с геологами в горах Памира, дописан в зимовье на берегах Японского моря и вручен эмигрантскому издателю из Риги Габриэлю Валку в Нью Йорке в один из моих визитов в эту неформальную столицу Мира. Габриэль, искушенный в издании советских диссидентов, заинтересовался свежим взглядом на мир из далекой Берингии. Но, хотя у нас нашлись и общие зна-

комые из Риги, как любой бизнесмен он запросил предоплату. По счастью, новые друзья на Аляске быстро перечислили ему нужную сумму, и книга была издана в русскоязычном издательстве «Эффект». Позже мне привезли положенные авторские десять копий, и лишь через двадцать лет роман дошел до российского читателя уже в приморском издательстве «Рубеж», знаменитом публикациями авторов из числа дальневосточной эмиграции.

12. ЭКОЦЕНТР

Фантастика из книг сублимируется в реальность: в офисе Приморского общественного экоцентра появился подаренный американцами факс-аппарат! Теперь не нужна бумажная почта и ожидание ответа неделями – полноценный документ, с подписью и печатью, можно получить и передать прямо по телефону, просто набрав номер. Главное – найти рулончик специальной бумаги, которую пока привозят из Японии или Америки. И сразу наваливается куча новых дел – только успевай строить график, куда нужно брать билеты и оформлять визы для себя на очередную экологическую конференцию, каких гостей из-за океана принимать, где размещать, куда и на чем возить. Появилась группа из Орегона, просится посмотреть на наши заповедники. А им на пятки наступает группа японцев, за ними придется лететь в Хабаровск. Гости избегают дорогих услуг и скучных гидов традиционного «Интуриста», шустрые экологи со связями интереснее и дешевле. Журналистика с зарплатами и гонорарами уходит в прошлое, но мы живы благодаря реальным долларам от туристов...

...В телевизоре пьяный Ельцин пляшет на какой-то трибуне в Вашингтоне рядом с угорающим от хохота Биллом. В России одни угорают с Клинтонем заодно, другие, слишком тактичные, смущенно отворачиваются от экра-

на. Не то, чтобы мы стыдились своего президента, мы ведь любим американцев, как и он, и тоже радуемся, что мы наконец снова вместе. Как в ту войну. Но простым американцам мы верим больше, чем президентам, ЦРУ и корпорациям. Доверию этому нас учат сами американцы – те, кто искренне зовет нас в гости и спешит дарить свои игрушки, которых нам не хватает. Однажды женщина из Калифорнии по имени Мелоди привезла с собой офисный комбайн, принтер-копир, для нашего зарождающегося эко-центра. Но сообщество уже начало почковаться, выделяя из себя группы, готовые обрести официальный статус НКО. Возникла неприятная тяжба за эту подаренную машину, к счастью недолгая – в обмен на наши ресурсы, благодаря совместным танцам наших президентов, в регион потоком шла разная офисная техника, в которой нуждались все. Друзья делились ею радостно и безоглядно, понимая, что защитники нашей природы должны быть оснащены не хуже, чем ее новоявленные коммерческие эксплуатанты – корпорации.

13. РОЩИНСКИЕ АВАНТЮРИСТЫ

Думать, глубоко осмысливая уже готовую ткань жизни и планируя новую, в эпоху нагрянувшей внезапно перестройки приходилось всем. Включая и тех, кто только начинал свой путь, и кто наивно полагал, будто его привычное рабочее место, квартира, дача, твердые 130 рэ в месяц, правящая КПСС и ежегодный отпуск будут всегда у всех, в том числе у повзрослевших детей. Равно как и возможность блукать по советским просторам от Берингии до Памира, от почти европейской Риги до почти китайского Хасана в поисках невиданных природных и рукотворных чудес. Эта свобода в столь обширных границах, причем обеспеченная реальной возможностью движения, материальной и транспортной, вдруг оказалась и весьма убогой в масштабах всей планеты, и, к тому же, очень хрупкой.

С упоением вслушиваясь с Балаевым в телевизоре его московской квартиры в немыслимые ранее тезисы молодого Горбачева об ускорении и гласности, аплодируя мысленно бравому бойцу с привилегиями Ельцину, мы ловили в событиях и другие, волнующие смыслы. Советская империя шаталась, открываясь миру и подлинной свободе всеми сво-

ими сторонами – Арктикой, Балтикой, Берингией, Азией. Все прозрачнее становились ее внешние границы, зато реальнее – внутренние, отделявшие Россию от Кавказа, Прибалтики и Средней Азии. Все сомнительнее казались грандиозные советские проекты по освоению дикой дальневосточной природы, от Чукотки до Посъета, которая уже была осмысленным и бережно хранимым домом для бродяг куваевского толка.

Наверное ключевым, знаковым для меня и многих приморских таежников был в конце 80-х сигнал тревоги, брошенный кем-то в ошалевшую от свободы прессу: в центре уссурийской тайги, в самых тигриных кедрочах Имана задумали выстроить ГЭС с гигантским водохранилищем! Новость была как набат, призыв к немедленному действию. И образы этих действий против безумного проекта были подготовлены собственным свежим опытом и свежим ветром власти – сделать фильм о тайге, о пагубности гидростанций в ней, и выйти с ним в народ аккуратно перед выборами, которые уже заявлены.

...Окаменевший от январской стужи дюралевый АН-2 предоставляет тебе за 8 рублей дюралевое же место, стыдливо застеленное тонкой тряпочкой – чтоб не слишком отморозить задницу. Тщетно! Мороз за 2 часа лета до Рошино проникает сквозь унты, трое штанов и все ватные и шер-

стяные прокладки между зимой и телом. Скрипя шарнирами, ты спрыгиваешь с трапа в снег и сверкучую, бархатную тишь обширного поселка, уютно сидящего в пойме Имана, у самых предгорий. Чистота здешнего воздуха, сдобренного привкусом дровяных печных дымков, превыше лютого мороза и сладостно обжигает при вдохе. Тело оживает, шагая деревней до базы геологов, где надо отыскать неведомых мужиков, поднявших голос против державных переустроителей таежной глухомани в какой-нибудь бетонно-электрический Иmano-ГЭСстрой.

В зиму геологи традиционно камералят – изучают набранные летом образцы пород, рисуют карты, анализируют застывшую динамику земных пластов и жил, пьют чай, спорят, а вечерами сидят за водкой и гитарой по домам, вспоминая полевые байки минувшего сезона. Но тебе, гостю, сперва покажут непременно музей местных минералов, мало отличимый от аналогов в экспедициях Магадана, Чукотки и Памира, где уже доводилось бывать. Среди загадочных жеод, аметистовых друз, причудливых скарнов и черных турмалинов на время забываешь о том, ради чего приехал – о бескрайней уссурийской тайге, из недр которой все эти чудеса добыты. Добыты, кстати, вовсе не из желания любоваться каменными диковинами, а, в конечном счете, чтобы обосновать добычу олова, золота, угля в новых местах, где пока еще шумит тайга, так любимая геологами.

В геологическом музее, у костра с гитарой или в уютных квартирах геологов, слушая захватывающие таежные истории и рассуждая об угрозе со стороны гидростроителей, об этом парадоксе романтической профессии думать не очень хочется. Риски и угрозы, приносимые многообразному таежному миру приисками и рудниками в местах, разведанных геологами, мы откладываем на потом, утешаясь тем, что тайга все же много обширнее, чем несколько горнодобывающих участков, затерянных в ее просторах. К тому же, никто не лишает геологов права следить, чтобы все меры по защите природы и ее рекультивации после отработки месторождения добывающие предприятия аккуратно соблюдали. Мы с другом Балаевым эту тему детально изучали в свое время еще на Чукотке, ползая с фотоаппаратом по отвалам пустой породы на приисках Чаунского района при подготовке статей для тамошней газеты «Полярная звезда». Так что идея фильма, задуманного в рошинских дискуссиях вместо несбывшейся «Косы двух пилотов», была дружно поддержана всеми – мы покажем и докажем обществу и властям, что живая тайга неизмеримо ценнее для людей и страны, чем электроэнергия, которая может быть получена от гигантской плотины и водохранилища на месте девственных кедровых лесов. Тем более, что энергия эта на пространствах в сотни километров вокруг никому не нужна.

– А что, мужики, кино – дело хорошее, – пригасил творческий азарт коллег старший, начальник отдела Экспедиции. – Но решения такого уровня принимают власти, и не только краевые, а общесоюзные. Увидят они ваше кино или нет – вопрос, да и как еще отнесутся. Если эта ГЭС вбита в планы с деньгами, ее таким путем не остановишь. Грядут выборы во все Советы, вот куда нужно целиться! Надо всем выдвигаться от Экспедиции, такое право есть, вот и воспользуемся!

Идея вдохновила всех. Мы выдвинулись от Экспедиции во все уровни Советов, и все были избраны, от Верховного до сельского. Мне достался Крайсовет и его экологическая комиссия. Принесенный в наше информационное пространство Горбачевым аромат американской демократии, пробужденный азарт гражданского участия в государственных делах будоражил воображение. Каждому хотелось все вокруг перестроить по-новому, разумно и грамотно, красиво, удобно и непременно на научной основе – ну чтобы не хуже чем у них, по ту сторону Берингии. Не хотелось думать тогда, что в обществе хватит и других, противоположных сил, идей и влияний, которые захотят тоже все перестроить, но только в интересах самих себя или своего круга. Промхозы, государственные и кооперативные, действовали тогда во всех таежных селах, обеспечивая работой и достаточным уровнем доходов всех, кто мог и любил охоту и таежные промыс-

лы. Причастны к этим дарам тайги извечно были и семьи, занимаясь переработкой продукции. Во многих селах были небольшие, часто семейные цеха по сушке и засолке грибов, папоротника, целебных трав, корней и ягод, обработке орехов, мехов, дичи, рыбы, консервированию, и все это через систему потребкооперации вывозилось в городские магазины и на рынки. Такая разветвленная экономика была возможна лишь там, где сохранялись девственные массивы кедрово-широколиственных лесов, известных как уссурийская тайга. И магазины под вывеской «Дары тайги» были гордостью и визитной карточкой всех дальневосточных и сибирских городов.

14. TEXAS CAMEL CORPS

...Приезжаем с группой американских бабушек в заповедник «Кедровая падь» искать следы леопарда. Экскурсия на один день – ночевать в заповеднике негде, проще вернуться на ночь в город. Передаю директору Вите пачку долларов, собранных у клиентов в оплату за экскурсию. Витя сует пачку в задний карман, она выпадает в дырку. Я иду сзади, подбираю, вручаю снова со смехом. Краткий инструктаж – маршрут пеший по лесной тропе, всего пять-шесть километров, горные речки, подьемы, каменистые осыпи, никаких пикников, кто не осилит – лучше остаться на базе. Маршрут начинается сразу с переправы вброд через речку Кедровую, довольно быструю, дно из крупных скользких камней.

Бабушки выбирают палки для опоры, верещат от волнения и адреналина. Одна из них скользит на камне, падает посреди речки и тихо плывет, продолжая верещать. Я уже на том берегу, моя верная спутница Люда спешит к бабушке, тащит ее к берегу. Бабушка не сдаётся – отжимает одежду и идет в маршрут, держась рядом с Людой. Вернувшись в гостиницу вечером, бабушки делятся впечатлениями, обсуждают «плавание», плачут, обнимая спасительницу – Люду, дарят нам сверхнормативные доллары и тенниски с надписью «Верблюжий отряд Техаса». Мы их носим и бережем до сих пор, вспоминая бабушку, плывущую по горной

речке, раскинув руки, и уверенную, что эти русские утонуть ей не дадут. Хотя риск им в кайф – за ним они и мотаются по свету, используя свой американский паспорт – вездеход чтобы легко попасть туда, куда россиянам нужно месяцами ждать визу.

Спустя десятилетия после этой памятной старческой группы, оставившей в душе невосполнимую дозу искренности и тепла, мы с тревогой смотрим на безудержную новую кампанию в России, имеющую одну цель – открыть для родных туристов все заповедники, замещая недоступные отныне заграничные курорты. То, чему так стремились научиться наши американские друзья – защитники дикой природы, у которых модели заповедника не было никогда, теперь вывернулось наизнанку. Мы пытаемся извлечь из своих уникальных, неприкасаемых природных резерватов прибыль для себя сегодняшних, превращая их в коммерческие нацпарки американского образца. Просто учимся у них тому, о чем они горько сожалели, открывая новый для себя заповедный берингийский Запад. И не помышляем о том, что мы оставим нашим общим внукам.

15. КАСКАД

За сохранение добротной организованной таежной экономики в самом обширном кедровом районе центрального Сихотэ-Алиня, Красноармейском, решила побороться крепкая команда геологов, предчувствуя радикальные перемены во всем пошатнувшемся советском мироустройстве. Именно побороться, потому что понимали: гидроэнергетики, положившие на все это свой могущественный глаз, так просто не уйдут и не остановятся. У них в руках власть и деньги, а у нас – просто любовь к родной тайге и тому образу жизни, который с приходом Гидростроя будет неминуемо и невозвратно разрушен. В этом раскладе таежные романтики чудесным образом превращались в ретроградов и противников «великой индустриализации», которая, на их взгляд, пришла явно не в то время и не в то место, где могла бы стать действительно социально-экономическим рывком в светлое будущее. Десятки тысяч гектаров кедровой девственной тайги, обреченные стать гигантским водоемом в этом проекте, никак на светлое будущее не тянули.

...Сценарий фильма «Каскад» был написан быстро, в паузах между нашей с геологами общей подготовкой к выборам. Вокруг царил упоительный хаос обновления, рискованной откровенности. В очередях за дефицитными пельменя-

ми и колбасой, за водкой и маслом по карточкам стало можно высказывать мнения обо всем, что важно, и даже настаивать, чтобы их услышали те, кто РЕШАЕТ. В закрытое советское пространство ворвалось брутальное и чарующее американское видео с хмурыми, неразговорчивыми и божественно справедливыми героями – убийцами, с волнующей женской грудью и вдруг дозволенным сексом. Робко начала появляться вольная торговля всем, что попало и где попало, в которую вынужденно втягивались некоторые из друзей – инженеров и интеллектуалов в поисках заработка. Но вместе с этим начала приходить и свежая правда о том, чем живет на самом деле эта большая страна и весь мир. О катастрофических потерях биоразнообразия, девственных лесов, о ядерных загрязнениях морей, о наступлении пустынь и усыхании рек и озер, трагедиях коренных индейцев, навеки потерявших право на свою землю.

Как все в этой жизни, ее задачи смешиваются, усложняются волею обстоятельств и выливаются в совсем неожиданные решения. Теперь уж и не вспомнить, что было определяющим тогда, на фоне очевидных признаков тотального обрушения привычного мира. Пустели магазины, бюджеты, надежды и квартиры, пустели души и погреба с закатанными впрок банками с овощами, вареньями и грибами.

Но в азарте писались сценарии, строились и утверждались планы и бюджеты последних советских проектов. И так сло-

жилось, что бюджет наших съемок, с недешевыми поездками на Бурейскую ГЭС, в Ленинград и на Алтай, оказался в итоге успешным конкурентом явно несопоставимого бюджета Дальнереченского ГЭКа, которому наш фильм открыто был противопоставлен. Видимо потому, что одновременно наша команда геологов и автор фильма втянулись в предвыборную кампанию, которая тогда – немыслимо поверить! – не требовала никаких денег. Ну не считая расходов на поездки по краю.

Съемки были запущены прежде, чем предвыборная кампания развернулась, и к ее разгару фильм был практически готов. И геологическая экогруппа «Тайга» с ее духовным лидером, буровым мастером и философом Федором Крониковским естественно стала главным его героем. Мы мотались по таежным дорогам на тряском студийном УАЗике, обсуждая вечерами в геологической общаге ход съемок и строя планы назавтра. И тут врывался полный свежих идей Федя, наш стихийный соавтор, и начинал рассказывать, что и как нам следует снимать, с кем надо провести интервью, а кого и близко нельзя подпускать к камере, потому как эти люди «с потрохами продались Гидропроекту, и мечтают закатать всю дикую тайгу в асфальт вместе с тиграми, кедрами, удэгейцами и реликтовыми тисами, а на берегах водохранилища еще и атомную станцию водрузить!» Спорить с ним было бесполезно, да и ни к чему – ничего нового он не сообщал,

зато фонтаном эмоций щедро обогащал наш фильм.

...Юрий Геннадьевич Аполлонов, главный инженер проекта Дальнереченского ГЭК на нашем Имане, восседал в своем кабинете на высотах здания Ленгидропроекта как светлейший князь на троне, которому подчинены земли и веси, реки и воды всея Азии. Наслаждаясь этим всесилием, уже неумолимо меркнувшим под натиском освобожденного голоса народа, под мощные ритмы рок-группы «Кино», вызывающей из всех окон России голосом Виктора Цоя – «Мы ждем перемееен!» – он расписывал нам великие блага гидроэнергетики, честно глядя в громоздкую кинокамеру «Дальтелефильма».

– «Ваш край ждет великое будущее и процветание, которое всегда приходит вместе с нашей неисчерпаемой гидроэнергетикой! Реки были и будут всегда, и энергия вашего Имана даст жизнь новым цветущим городам и заводам на месте ваших убогих деревень! Ваш край избавится от вечной угольной пыли, которую заменит чистая энергия воды, и вместо круглого леса будет производить современную мебель, паркет, бумагу. Мы выучим ваших полуграмотных диких лесорубов на квалифицированных инженеров – энергетиков, и страна будет ими гордиться!» – вещал Аполлонов в микрофон и на камеру. А мне слышалось: «Нам бы выбить деньги на полноценные изыскания и рабочий проект,

глядишь, институт продержится еще год-другой. А затеет ли потом кто-то реальную стройку – пусть решает новая власть, то уж не наша забота»!

Весь энтузиазм великих свершений и строек, накачиваемый в души поколений под волнующие, трепетные пахмутовские напевы, вдруг стал обращаться к людям каким-то кривым, постыдным боком, открывая порочность конечной цели. Мы, оказалось, создавали великую индустрию войны и обороны, отгородившись колючей проволокой и молчанием от мира, в котором кипела и цвела совсем другая – яркая, полноцветная и завидная жизнь. И лишь много лет спустя, путешествуя среди перегороженных многими плотинами рек и речек американского Запада, я увидел, как прозревшие американцы сносят старые плотины, исправляя свою историческую ошибку и возрождая бесценные ресурсы дикого тихоокеанского лосося. В 2022 году власти приняли решение о ликвидации четырех плотин на реке Кламат, на границе Калифорнии и Орегона, чтобы спасти популяции чавычи и кижуча. Этого долгие годы добивались несколько племен коренных американцев, чьи предки веками жили на берегах реки за счет добычи лосося. Малые ГЭС, возведенные на Кламате сто лет назад, обветшали, и компания – оператор сочла более выгодным снести их, заодно вернув вековой долг природе и аборигенам.

Но это было потом. А в девяностые всепоглощающую и всеобщую жажду приобщиться к американской мечте остановить было уже невозможно. Особенно в Приморье, напичканном войсками и вооружением, окруженном границами со всех сторон и закрытом даже для остальной страны. Но имевшем, как всякая закрытая зона, набор своих лазеек для общения с внешним миром – информационных или материальных. Одни рвались получить заветный моряцкий паспорт и попасть в заграничный рейс хоть с рыбаками, хоть на транспортник – неважно! Готовы были перетерпеть тяготы штормов и нудных переходов, чтобы на несколько часов, с жалкой толикой долларов в кармане пройти под надзором чекиста по улицам заветного Сингапура, Ниигаты или Пусана. Другие толпились в открывающихся повсюду видеосалонах, где крутили невиданные американские боевики и мелодрамы с откровенными сценами. Третьи искали связи в партийных кругах, чтобы попасть в заветный японский круиз или на длительный ремонт в порту Кореи.

16. ЭНЕРГИЯ

Зима. Мы допоздна сидим в центре города, в благосклонно предоставленном для экологических тусовок помещении Общества изучения Амурского края. Обсуждали горячую проблему – нужна ли Приморью АЭС в центре уссурийской тайги, если отходы реакторов с атомных подлодок тайком сбрасывают в океан, вызывая справедливое возмущение цивилизованного мира и неприятные публикации в престижных американских газетах. Перерабатывать отходы АЭС не умеет никто. Пора было ехать домой, на окраину города. Последний ледяной автобус с заиндевельными стеклами тащится по гололеду битый час, сквозь крошечный мрак: огромный район города традиционно сидит без света – угольщикам выгоднее продавать топливо на экспорт, чем обеспечивать нищих соседей по стране. Такова жестокая логика капиталистического выживания. В призрачном сиянии звезд, бликах редких машин и окон, за которыми удалось зажечь свечку, добираться домой. Лихорадочно, при коварно мигающем свете китайского фонарика, шаршишь в ящиках столов в поисках китайского же газового баллончика – запустить горелку, согреть чаю. Отогреваешься, понимая, как опасна зависимость от привозного угля во времена приватизации, когда уголь выгоднее продать в Китай... Отогревшись, шаршишь вместе с женой в растаявшем хо-

лодильнике, заранее зная, что нет там ничего путного кроме оставшейся со вчерашнего обеда полпачки слипшихсяпельменей да огрызка подсохшей колбасы, ухваченной как-то по удачному случаю. Остается или фануть этот огрызок парой глотков неизменного и счастливо доступного кефира и расслабиться под приятную музыку диско из транзистора с пока еще живыми батарейками. Под музыку хорошо мечтается о том, как по всем ветреным берегам Дальнего Востока будут скоро наставлены мощные ветряки, чтобы снабжать электричеством поселки и города, утопающие во мраке без угля и мазута.

А когда наконец «дают» свет в доме и удается включить компьютер и даже запустить слабый Интернет, на электронную почту вдруг падает разосланный американским другом файл с впечатляющей картинкой – как светится наша ночная планета из космоса. Своеобразный портрет современной цивилизации, на котором сияют новогодними елками США, Европа и юго-восточная Азия. Неплохо светятся даже холодная Аляска и Норвегия, зато восток Сибири пребывает в девственном мраке...

17. СВЕТОЧ СВОБОДЫ

Всем, уже задумавшимся о судьбах уссурийской тайги, заповедных островов залива Петра Великого и об участии в выборах, жизнь предоставила свой, неожиданный и азартный шанс – путь во власть, в депутаты, чтобы самим решать, как жить дальше этой стране. А пока деловой график вольного журналиста и литератора приходилось делить между съемками фильма, поисками стабильной работы и кандидатской суетой с поездками по краю. И всюду, на встречах в дальних деревнях, с охотниками и гидростроителями, с геологами и партийными чинушами районного пошиба, с аборигенами и лесорубами, во взглядах и вызывающих репликах сквозила одна тема – народ невыносимо устал от партии, от ее фальшивого пафоса, и хочет во власти новых людей и грубой правды. К этому звали нас и новые политики из стремительно меняющегося телевизора, со страниц новых, беспартийных газет и первых свободных радиостанций. На встречах, где мы выступали перед избирателями на пару с партийным конкурентом по округу, его просто не слушали. «Ты прямо скажи – коммунист? – вопрошали из зала. – Ну так отдыхай, мы пойдем за журналиста голосовать, он нашу тайгу вернее защитит!» Так они и проголосовали, сделав меня депутатом.

...Наш путь через выборы лежал в великий и загадочный Гринпис. Под скрежет открывающегося железного занавеса и манящий образ все более материального Берингского моста шустрые краевые чиновники создали Ассоциацию экономического взаимодействия со странами АТР, при которой сразу появилось журналистское подразделение с доступом к англоязычной информации. В кругах партийцев и писучей братии, зачарованной и озадаченной идеями гласности и открытости, витали немислимые словосочетания и планы – открытие границ с Китаем, открытие Владивостока, забытые с 30-х годов прямые авиарейсы на Аляску, акционерные общества, частная собственность, товарные биржи, демократические выборы для всех, включая беспартийных. С улиц исчезали привычные и аккуратные стайки матросов, но появлялись диковинные и мощные иностранные машины с надписью PATROL, гордо дефилирующие промеж стихийных рынков по продаже всяческого барахла. В Доме ученых, в Географическом обществе все чаще собиралась научная и журналистская публика, чтобы обсуждать экологические проблемы региона и формировать новые гражданские сообщества. И среди этого каскада радикально новой жизни мы с компанией друзей – ученых и журналистов выделили для нас принципиально особо значимое: яхта Гринпис «Вега», прибывшая в Находку на очередной Азиатско-Тихоокеанский форум мира.

Иностранную яхту поставили под охрану пограничников у морвокзала Находки, но Форум был событием мирового значения, с множеством иностранцев, которых привозили автобусами в закрытый Владивосток на пленарные заседания и экскурсии. И у нашей группы англоговорящих активистов появилась возможность первых прямых контактов. Среди латиноамериканских революционеров и африканских борцов с колониализмом, тайком добравшихся до Находки через третьи страны, мы отыскиали тех, кто был нужен – англичанку Фэйт Дохерти, лесного кампэйнера, и анти-ядерного Джоша Хэндлера из американского отдела Гринпис. Взахлеб слушали мы истории о реальных войнах героических защитников тропических лесов Амазонии, Индонезии и Конго, о драматической гибели гордого парусника «Воин Радуги», взорванного спецслужбами Франции на тихоокеанском атолле, о мирных акциях по всему миру против ядерных испытаний и вооружений, против сброса радиоактивных отходов в моря и коммерческого китобойного промысла. Все это звучало как волшебная сказка, бесконечно далекая от нас, но вдруг ставшая доступной.

Автор и Фэйт Дохерти на яхте «Вега», 1990 г.

И мы, лихорадочно расширяя путь к этой сказке, живописали свои истории об исчезающих популяциях дальневосточного леопарда и тигра, о планах уничтожения кедровой тайги в интересах гидростроителей и иностранных лесопромышленных компаний, о покрытой завесой военной тайны трагедии на атомной субмарине в бухте Чажма за год до Чернобыля. О, нам с этими вольными странниками морей было о чем поведать и что узнать друг о друге, и это обещало дела великие, громкие и яростные, напрочь сметающие пыль

молчания с постаревшей страны. Образ парусника «Rainbow Warrior» с голубыми парусами, явленный на яхте «Вега» в фотографиях и видеороликах, сразу стал темой ночных грез и рабочих планов для нас с новыми друзьями Джошем и Фэйт. Точнее, это был уже не столько план, сколько стратегия для нашей Группы поддержки Гринпис во главе с профессором-геологом Борисом Преображенским.

Начинать нужно было со связи. В телефонно-дефицитном Владивостоке ни телекс, ни новомодный телефакс не давали возможности оперативно согласовывать детали задуманной масштабной акции Гринпис в Приморье с парусником. На подготовку ее, поиск средств и накопление необходимой информации у нас нужен был не один год, и нужна была принципиально новая система связи – электронная почта. Мы расставались с новыми иностранными друзьями, обменявшись телефонами. А пока в Крайсовете формировалась наша депутатская комиссия по экологии и природопользованию, в городе появилась первая система советско-американской связи по электронной почте через телефонные каналы – СОВАМ-телепорт, очередной «Берингийский мост», следом еще один канал в виде Лаборатории информационных технологий. И начала развиваться стремительно с появлением на рынке первых диковинных компьютеров и модемов. Революция проникала всюду – в технику, в души, мысли, манеры, планы, в магазины, банки и биржи, словно меченый

то ли Богом, то ли Люцифером, и обожаемый буржуями Горби открыл ящик Пандоры, и из него поперло во все стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.